

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет

**ЗАЩИТА ПРАВ
И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ
ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН**

факультетские Научные чтения
им. профессора Р.Е. Гукасяна

Выпуск III

Тверь 2022

УДК 347(082)
ББК Х410.1я43
З 40

Ответственный за сборник:

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой
конституционного административного и таможенного права
Тверского государственного университета Н.А. Антонова

Защита прав и охраняемых законом интересов граждан:
факультетские Научные чтения им. профессора Р.Е. Гукасяна.
Выпуск III. – Тверь: Издательство Тверского государственного
университета, 2022. – 77 с.

В сборник вошли научные статьи участников факультетских Научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан» (май 2022 г.).

В статьях, вошедших в сборник, исследуются вопросы защиты прав и охраняемых законом интересов в различных сферах. Сборник предназначен для студентов, аспирантов и преподавателей юридических специальностей, а также специалистов практиков, занимающихся проблемами защиты прав и охраняемых законом интересов граждан.

Сборник рекомендован к опубликованию заседанием кафедры конституционного, административного и таможенного права от 06 июня 2022 г. (протокол № 11).

УДК 347(082)
ББК Х410.1я43

© Коллектив авторов, 2022
©Тверской государственной
университет, 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Антонова Н.А.</i>	
Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления через призму изменяющего законодательства	4
<i>Афтахова А. В.</i>	
Иск о защите прав и законных интересов группы лиц и процессуальное соучастие: сравнительный аспект	10
<i>Барткова О.Г.</i>	
Основания и условия требований об изменении и расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств как способов защиты субъективных гражданских прав	16
<i>Гринева А.В.</i>	
О приоритете интересов родителей в правоотношениях в воспитании детей	21
<i>Жукова О.В.</i>	
Процессуальная правоспособность и дееспособность несовершеннолетних: некоторые проблемы теории и практики	25
<i>Иванова М.С.</i>	
Манипуляция как способ реализации интересов при заключении договора	33
<i>Ильина О.Ю.</i>	
Синаллагматическое обязательство супругов: проблема интереса и равенства прав супругов	37
<i>Крусс И.А.</i>	
О наследии трудов Р.Е. Гукасяна: проблема соотношения арбитражного и гражданского процессов	43
<i>Кувырченкова Т.В., Черевко В.В.</i>	
Контртеррористические операции: новая реальность	48
<i>Сухарев А.Н.</i>	
Правовая конструкция налогового законодательства Российской Федерации	55
<i>Туманова Л.В.</i>	
Единство и противоположности процессуального статуса прокурора в контексте проблемы интереса	61
<i>Федина А.С.</i>	
К вопросу о принципах гражданского процессуального права в научных трудах Р.Е. Гукасяна	66
<i>Юстус О.И.</i>	
Значение legaltech-решений для реализации социальных прав граждан	73

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИЗМЕНЯЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Н.А. Антонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. В статье идет речь об особенностях привлечения органов и должностных лиц местного самоуправления. Рассматриваются особенности института ответственности в муниципальном праве на основе анализа изменяющегося законодательства о местном самоуправлении. Проводится сравнительный анализ механизма привлечения к ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления по действующему законодательству и проекту закона о местном самоуправлении, внесенному в Государственную Думу 16 декабря 2021 года.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная ответственность, органы местного самоуправления.

Реформирование системы взаимодействия органов местного самоуправления и органов государственной власти на основе принятия поправки к Конституции РФ в 2020 г., а затем последовавших изменений, предлагаемых к внесению в законодательство об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти, затрагивает многие вопросы, в том числе и вопрос об ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления.

Необходимость законодательного решения вопроса об ответственности органов, а также должностных лиц местного самоуправления, вытекает из определения местного самоуправления, даваемого, как в действующем Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [1], так и в новом Законопроекте «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2]. И в том и в другом случае речь идет о том, что местное самоуправление осуществляется при условии его ответственности. В новом Законопроекте подчеркивается, что ответственность органов местного самоуправления основывается на Конституции РФ и регулируется федеральными конституционными законами, федеральными законами, конституциями, уставами и иными нормативными правовыми актами субъектов Федерации, уставами и иными муниципальными правовыми актами.

Конституционная основа муниципальной ответственности вытекает из ст. 15 Конституции РФ, согласно которой органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их

объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы.

Законодательное закрепление принципа ответственности органов МСУ призвано обеспечить: эффективность осуществления органами МСУ и должностными лицами МСУ возложенных на них функций; соответствие деятельности органов МСУ и должностных лиц МСУ интересам населения муниципального образования; тесную связь органов МСУ и должностных лиц МСУ с населением.

Говоря об ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления, следует ответить на ряд вопросов: перед кем наступает ответственность; субъекты ответственности; основания ответственности; порядок привлечения к ответственности.

Действующий Закон о местном самоуправлении четко определяет в ст. 70, что органы и должностные лица местного самоуправления несут ответственность перед населением, государством, физическими и юридическими лицами. Первый субъект, перед которыми органы и должностные лица несут ответственность – это население муниципального образования. И это понятно, исходя из определения местного самоуправления, которое по данному Закону представляет собой форму осуществления власти, обеспечивающей деятельность *населения* по решению вопросов местного значения. Другими словами, власть в муниципальном образовании – это власть местного населения, которое либо непосредственно решает вопросы местного значения, либо через создаваемые им органы. Создавая эти органы, население оставляет за собой право осуществления их контроля, а отсюда и возможность привлечения к ответственности органов и должностных лиц. Ответственность перед населением органов местного самоуправления по действующему закону сводится к возможности отозвать депутата, который избран от одномандатного округа.

Ответственность перед государством органов местного самоуправления заключается в досрочном прекращении полномочий представительного органа, главы муниципального образования, главы местной администрации.

Если обратиться к новому Законопроекту об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе власти, то следует отметить, что, во-первых, отсутствует норма об ответственности органов местного самоуправления перед населением, во-вторых, структурно нормы об ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления не объединены, как в нынешнем Законе в отдельную главу, посвященную ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления, а размещаются в главе, посвященной органам местного самоуправления, что не лишено определенной логики.

Возникает вопрос, перед кем же несут ответственность органы и должностные лица местного самоуправления? Исходя из того, что органы местного самоуправления рассматриваются в Законопроекте как элемент единой системы публичной власти, то на первом месте среди субъектов, перед которыми наступает ответственность муниципальных органов, стоят органы государственной власти.

Органы государственной власти вправе призвать к ответственности и представительный орган, и главу муниципального образования, главу местной администрации. При этом полномочия органов государственной власти (в лице главы субъекта Федерации) по привлечению органов и должностных лиц местного самоуправления к ответственности зависят от того, в рамках каких полномочий должностное лицо допустило нарушение – в рамках собственных полномочий муниципальных органов или при осуществлении полномочий, переданных органам местного самоуправления органами государственной власти.

Согласно п. 6 ст. 17 Законопроекта уставом муниципального образования может быть предусмотрено досрочное прекращение полномочий представительного органа муниципального образования в случае нарушения срока издания муниципального правового акта, требуемого для реализации решения, принятого путем прямого волеизъявления граждан. Вот единственный вариант реализации ответственности представительного органа перед населением. При этом стоит обратить внимание на то, что такая ответственность допускается, а не устанавливается законодательно. В уставе муниципального образования это может быть закреплено в виде определенной процедуры, а могут и отсутствовать такие нормы.

Что касается досрочно прекращения полномочий должностных лиц – главы муниципального образования и главы местной администрации, то население не получает по новому Законопроекту права на инициирование их отзыва. Их полномочия могут быть прекращены досрочно в виде отрешения от должности или удаления в отставку только по инициативе депутатов представительного органа муниципального образования или главы субъекта Федерации.

Говоря о субъектах ответственности в системе органов местного самоуправления, то следует отметить, что из числа таких субъектов фактически исключены депутаты представительного органа местного самоуправления. Законопроект предусматривает лишь коллективную их ответственность перед государством путем досрочного прекращения полномочий представительного органа муниципального образования. Глава субъекта Федерации вправе внести в законодательный орган субъекта Федерации законопроект о роспуске представительного органа муниципального образования в двух случаях: во-первых, если представительным органом местного самоуправления принят нормативный

правовой акт, противоречащий Конституции РФ, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта Федерации, уставу муниципального образования, во-вторых, если вновь избранный представительный орган муниципального образования в течение трех месяцев подряд не проводил правомочного заседания. Определенной гарантией для представительного органа местного самоуправления в этой ситуации является то, что данные факты должны быть установлены судом.

Обращают на себя внимание и основания, по которым глава муниципального образования подлежит удалению в отставку. Среди них есть как те основания, которые имеют место и в действующем Законе, такие как, неудовлетворительная оценка деятельности главы муниципального образования представительным органом по результатам его ежегодного отчета, данная два раза подряд, или несоблюдение ограничений, запретов, неисполнение обязанностей, которые установлены для лиц, замещающих муниципальные должности, так и новые. Так, основанием для удаления главы муниципального образования в отставку является допущение главой муниципального образования, местной администрацией, иными органами и должностными лицами местного самоуправления муниципального образования и подведомственными организациями массового нарушения государственных гарантий равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, ограничения прав и дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, если это повлекло нарушение межнационального и межконфессионального согласия и способствовало возникновению межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных конфликтов. Стоит отметить, что в данном основании предусматривается ответственность главы муниципального образования не только за собственные действия, но и действия подведомственных ему организаций и должностных лиц. Кроме этого сама формулировка данного основания весьма широка и включает в себя оценочное понятие, что неуместно при регулировании ответственности должностного лица.

Кроме этого, предусматривается и такое основание ответственности главы муниципального образования, как систематическое недостижение показателей эффективности деятельности органов местного самоуправления. Возникает вопрос: что понимать под систематичностью в этом случае, эти показатели эффективности должны быть не достигнуты два, три раза или большее количество раз? Как видим, и в этом случае имеет место оценочное понятие.

Появилось и такое новое основание досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования как утрата доверия Президента Российской Федерации. Однако в этом случае рассматриваемый

Законопроект вообще не говорит о процедуре досрочного прекращения полномочий главы муниципального образования по данному основанию.

Законопроектом предусмотрено отрешение от должности главы муниципального образования и главы местной администрации. Они могут быть отрешены от должности по двум основаниям: в случае издания нормативного правового акта, противоречащего Конституции Российской Федерации, федеральным конституционным законам, федеральным законам, конституции (уставу), законам субъекта Российской Федерации, уставу муниципального образования, если такие противоречия установлены соответствующим судом, а эти должностные лица течение двух месяцев со дня вступления в силу решения суда либо в течение иного предусмотренного решением суда срока не приняли в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда; а также совершения лицами, замещающими указанные муниципальные должности, действий, в том числе издания ими правового акта, не носящего нормативного характера, влекущих нарушение прав и свобод человека и гражданина, угрозу единству и территориальной целостности Российской Федерации, национальной безопасности Российской Федерации и ее обороноспособности, единству правового и экономического пространства Российской Федерации, нецелевое использование межбюджетных трансфертов, имеющих целевое назначение, бюджетных кредитов, нарушение условий предоставления межбюджетных трансфертов, бюджетных кредитов, полученных из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, если это установлено соответствующим судом, а лицо, замещающее указанную муниципальную должность, не приняло в пределах своих полномочий мер по исполнению решения суда.

Отдельное внимание в законопроекте уделено ответственности лиц, замещающих муниципальные должности, к которым относятся депутаты, глава муниципального образования, глава местной администрации, председатель, заместитель председателя, аудитор контрольно-счетного органа муниципального образования, иные лица, в соответствии с законом субъекта Федерации и уставом муниципального образования.

Основаниями такой ответственности, во-первых, являются несоблюдение ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, установленных законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции. По этому основанию могут быть привлечены к ответственности перед государством все лица, замещающие муниципальные должности. Во-вторых, ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и (или) законами субъекта Российской Федерации. В этом случае субъектами ответственности являются только глава муниципального образования и

глава местной администрации. В-третьих, если в течение месяца со дня вынесения высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации предупреждения, объявления выговора главе муниципального образования, главе местной администрации главой муниципального образования, главой местной администрации не были приняты в пределах своих полномочий меры по устранению причин, послуживших основанием для вынесения ему предупреждения объявления выговора.

Говоря о первом основании, следует отметить, что привлечение к ответственности должностных лиц происходит по инициативе высшего должностного лица субъекта Федерации, который инициирует проверку достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции. При выявлении в результате проведенной проверки фактов несоблюдения ограничений, запретов, неисполнения обязанностей, глава субъекта Федерации обращается с заявлением о досрочном прекращении полномочий лица, замещающего муниципальную должность, или применении в отношении указанных лиц иной меры ответственности в орган местного самоуправления, уполномоченный принимать соответствующее решение, или в суд.

В случае возникновения второго основания – ненадлежащего исполнения или неисполнения обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и (или) законами субъекта Российской Федерации, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации вправе вынести предупреждение, объявить выговор главе муниципального образования, главе местной администрации.

Гарантией для главы муниципального образования и главы местной администрации является возможность обжаловать правовой акт об отрешении от должности в соответствии с процессуальным законодательством Российской Федерации, в течение 10 дней со дня его официального опубликования.

Анализ Законопроекта показывает, что пределы ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед государством существенно расширены. Такой характер правового регулирования ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления дает возможность власти субъекта Федерации напрямую управлять властью муниципальной. Такая новелла законодательства свидетельствует по сути дела о пересмотре содержания как принципа самостоятельности органов местного самоуправления в пределах своих полномочий, так и принципа организационной обособленности органов местного самоуправления в системе управления государством.

Список литературы

1. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003 г. № 40 ст. 3822.

2. Законопроект 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>

Об авторе:

АНТОНОВА Нана Алиевна – доктор юридических наук, зав. кафедрой конституционного, административного и таможенного права юридического факультета Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 3179-2045, e-mail: antonova.nana@list.ru

ИСК О ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРУППЫ ЛИЦ И ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СОУЧАСТИЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.В. Афтахова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. В статье осуществлен сравнительный анализ процессуального соучастия и групповых (коллективных) исков, определены общие черты и отличительные особенности каждого из рассматриваемых процессуальных институтов по определенным критериям.

Ключевые слова: процессуальное соучастие, защита прав группы лиц, групповой (коллективный) иск.

Введение гражданское процессуальное законодательство института групповых (коллективных) исков – важный шаг в рамках модернизации и унификации процессуального законодательства. Несмотря на то, что соответствующие изменения в Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) [1] были внесены в 2019 г., [2], до настоящего времени продолжается изучение данного института с целью выявления проблем и совершенствования законодательных предписаний для повышения эффективности применения данного механизма защиты прав и законных интересов граждан.

После внесения изменений в соответствующие нормы ГПК РФ, прогнозы специалистов в отношении перспектив внедрения в гражданский процесс института групповых (коллективных) исков и его востребованности разнились: от предположений, что данный институт не найдет своего применения до крайне оптимистичных прогнозов. На данный момент количество поданных и рассмотренных исков в защиту прав и законных интересов группы лиц по правилам главы 22.3 ГПК РФ крайне мало, но это не означает, что данный институт не является эффективным [3].

Однако, прежде чем оценивать вопросы эффективности и практической значимости института групповых исков, важнейшее значение имеет теоретический анализ данного института и сравнительное исследование коллективного иска и другого процессуального института, имеющего, на первый взгляд, много общего с групповым (коллективным) иском - процессуального соучастия. Процессуальное соучастие – традиционный и понятный институт, предполагающий возможность участия в процессе нескольких лиц на стороне истца или ответчика (ч. 1 ст. 40 ГПК РФ). Карпова А.А. полагает, что процессуальное соучастие – форма осложнения процесса, которой характерна множественность лиц на стороне истца и (или) ответчика [5].

Процессуальное соучастие предполагает соединение нескольких участников (субъектов) гражданского процесса, поэтому часто можно встретить формулировку «субъективное соединение исков» - второе наименование процессуального соучастия. Обычно процессуальное соучастие является результатом совместного предъявления иска несколькими истцами или (и) предъявление иска к нескольким ответчикам.

Кроме того, соучастие может возникнуть по инициативе суда, когда невозможно рассмотрение дела без участия ответчика или ответчиков в связи с характером спорного правоотношения.

В соответствии с ч. 2 ст. 40 ГПК РФ процессуальное соучастие допускается, если:

- 1) предметом спора являются общие права или обязанности нескольких истцов или ответчиков;
- 2) права и обязанности нескольких истцов или ответчиков имеют одно основание;
- 3) предметом спора являются однородные права и обязанности.

Важной отличительной особенностью процессуального соучастия является то, что каждый из истцов или ответчиков по отношению к другой стороне выступает в процессе самостоятельно. Ведение дела одним или несколькими лицами из числа соучастников является правом, а не обязанностью при процессуальном соучастии.

Исходя из анализа норм гл. 22.3 ГПК РФ право на обращение в суд в защиту интересов группы лиц возникает при наличии совокупности следующих условий:

- 1) имеется общий по отношению к каждому члену группы лиц ответчик;
- 2) предметом спора являются общие либо однородные права и законные интересы членов группы лиц;
- 3) в основании прав членов группы лиц и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства;
- 4) использование всеми членами группы лиц одинакового способа защиты своих прав.

Дополнительным условием для рассмотрения дела о защите прав и законных интересов группы лиц является обязательное присоединение к требованию о защите прав и законных интересов этой группы лиц не менее двадцати лиц - членов группы лиц ко дню обращения в суд.

Особенностью дел о защите прав и законных интересов группы лиц является необходимость ведения соответствующего гражданского дела в интересах группы лиц конкретным лицом, которое должно являться членом данной группы лиц и наделено правом действовать без доверенности, представляя интересы соответствующей группы.

Таким образом, можно выделить следующие общие признаки процессуального соучастия и группового (коллективного) иска:

1. множественность лиц на стороне истца;
2. предметом спора являются общие права и законные интересы истцов;
3. в основании прав истцов и обязанностей ответчика лежат схожие фактические обстоятельства;
4. требования всех истцов могут быть удовлетворены в рамках одного судебного разбирательства.

Дополнительным признаком, характеризующим институты процессуального соучастия и группового (коллективного) иска, является их общая стратегическая цель – процессуальная экономия, связанная с сокращением времени на рассмотрение схожих по своей природе дел и разгрузка судебной системы.

При этом, исходя из анализа вышеперечисленных особенностей процессуального соучастия и групповых исков, можно сделать вывод, что данные институты имеют существенные отличия, позволяющие их разделять, определяя конкретные случаи применения каждого из них. Наиболее ярким и очевидным отличием рассмотрения и разрешения гражданских дел с применением процессуального соучастия и при формировании группы лиц является различие в нормативно-правовом регулировании. Дела с участием соистцов и соответчиков рассматриваются судами по общим правилам искового производства с особенностями, обусловленными формированием множественности лиц на одной из сторон судебного процесса. Процессуальные особенности рассмотрения дел о защите прав и законных интересов группы лиц закреплены в отдельной главе ГПК РФ, что, несомненно, свидетельствует о наличии существенных отличий групповых (коллективных) исков от других процессуальных институтов.

Помимо нормативно-правовой регламентации, к отличиям процессуального соучастия от группового (коллективного) иска следует отнести:

1. четкое определение возможности формирования множественности лиц при групповом иске – множественность лиц может быть только на стороне истца при одном (общем для всех истцов) ответчике, тогда как при процессуальном соучастии допускается множественность лиц как на стороне истца, так и на стороне ответчика;

2. обязательным требованием к групповому (коллективному) иску выступает указание лица, которому поручено ведение соответствующего гражданского дела в интересах группы лиц. К такому лицу предъявляются определенные требования (в частности, по общему правилу данное лицо должно быть членом группы лиц). Процессуальное соучастие предполагает, что каждый истец подает исковое заявление самостоятельно;

3. для того, чтобы групповой (коллективный) иск был принят судом, необходимо соблюдение минимального «порога» числа членов данной

группы – не менее двадцати. При процессуальном соучастии минимальное (равно как и максимальное) число соистцов законодателем не ограничено;

4. при процессуальном соучастии каждый истец является самостоятельным участником судебного разбирательства, с возможностью (правом) поручить ведение дела от своего имени другому соистцу. Как уже неоднократно подчеркивалось, при групповом (коллективном) иске обязательным является наличие лица, которое ведет соответствующее гражданское дело от лица группы;

5. исходя из самостоятельности каждого соистца при процессуальном соучастии, суд выносит решение по делу в отношении каждого из них. При этом результатом рассмотрения группового (коллективного) иска является одно решение по делу о защите прав и законных интересов группы лиц, которое принимается по правилам гл. 16 ГПК РФ. В резолютивной части данного решения должны содержаться выводы в отношении каждого из членов группы, присоединившихся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц;

6. сроки судопроизводства в рассматриваемых институтах также различаются: при процессуальном соучастии действует общий срок рассмотрения и разрешения гражданских дел, который в соответствии с ч. 2 ст. 154 ГПК РФ не должен превышать двух месяцев, а при групповом (коллективном) иске – восьми месяцев со дня вынесения определения о принятии искового заявления к производству суда, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и принятие решения по делу (ч. 2 ст. 244.25 ГПК РФ).

Безусловно, проблема загруженности судебной системы является крайне острой, поскольку своевременное и справедливое рассмотрение судами дел влечет не только удовлетворение частных интересов, но и способствует удовлетворению публичного интереса – формированию доверия и авторитета судебной власти среди населения. Групповой (коллективный) иск на данный момент является, на наш взгляд, достаточно сложным процессуальным инструментом, корректное использование которого не всегда доступно гражданам без квалифицированной юридической помощи и сопровождения. Однако полагаем, что применение именно групповых (коллективных) исков позволит достичь поставленной цели – обеспечить процессуальную экономию и разгрузить судебную систему. Полагаем, что данный институт все еще находится в стадии формирования, а его нормативно-правовое закрепление будет скорректировано в соответствии с запросами правоприменителей и исходя из анализа формирующейся практики.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ // СПС «ГАРАНТ».

2. Федеральный закон от 18.07.2019 N 191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// «Собрание законодательства РФ», 22.07.2019, N 29 (часть I), ст. 3858

3. Афтахова А.В. Некоторые аспекты подготовки к судебному разбирательству дел по искам о защите прав и законных интересов группы лиц // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2022. № 1. С.

4. Ивасюк И.А. Институты процессуального соучастия и группового иска: сходство и отличие / И. А. Ивасюк. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2020. — № 44 (334). — С. 218-220. — URL: <https://moluch.ru/archive/334/74587/> (дата обращения: 04.06.2022).

5. Карпова А. А. Институт процессуального соучастия в гражданском процессе: понятие и виды // Вестник науки. 2019. Т.2. № 1(10). С.55–57

Об авторе:

АФТАХОВА Александра Васильевна — канд. философ. наук, доцент, доцент кафедры экологического права и правового обеспечения профессиональной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 5140-5804, AuthorID: 32672457, e-mail: Aftakhova.AV@tversu.ru.

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ТРЕБОВАНИЙ ОБ ИЗМЕНЕНИИ И РАСТОРЖЕНИИ ДОГОВОРА В СВЯЗИ С СУЩЕСТВЕННЫМ ИЗМЕНЕНИЕМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ КАК СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ СУБЪЕКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. Обосновывается юридическая значимость правильности определения круга условий, составляющих основания применения таких способов защиты как изменение или расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств. Проведено научное толкование положений ст. 451 ГК РФ во взаимосвязи со ст.12 ГК РФ, основными началами гражданского законодательства, понятиями юридические факты и юридические основания.

Ключевые слова: *способы защиты, существенное изменение обстоятельств, изменение договора, расторжение договора, значительный ущерб, соотношение интересов, юридические факты, юридические основания*

В ГК РФ закреплены общие и специальные способы защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов участников гражданско-правовых отношений. Базовой является ст. 12 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), где среди прочих способов названы такие как прекращение или изменение правоотношения. Эти способы конкретизированы в различных институтах гражданского права и, в частности, договорного права, в котором мы опираемся в первую очередь на п.1 ст. 450 ГК РФ, который гласит, что изменение и расторжение договора возможны по соглашению сторон. Это общее правило действует, если иное не предусмотрено ГК РФ, другими законами или договором. Иное предусмотрено в ст. 451 ГК РФ, содержание и применение которой представляет интерес для автора в аспекте выявления разнообразных юридических фактов, составляющих основания использования этих способов на практике. Кроме того, правильное установление таких фактов имеют значение для основания исковых требований, определения круга обстоятельств, подлежащих доказыванию, и, в итоге, для принятия законного судебного решения.

Важно отметить, что указанные способы защиты должны быть применены заинтересованной стороной, прежде всего, в рамках досудебного порядка урегулирования спора. И только в случае недостижения между сторонами согласия, облечённого в форму соглашения об изменении договора (о его расторжении) или при отсутствии согласия

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.05.2019).

другой стороны (акцепта) на предложение изменить (расторгнуть) договора на основании ст. 451 ГК РФ, может быть инициирован судебный спор. Таким образом, установление юридических условий и фактов для названных способов важно и в случаях использования самозащиты как процедуры защиты отличной от юрисдикционной.

Обращение к базам информационной правовой системы КонсультантПлюс позволило обнаружить многочисленные, опубликованные в этой системе, примеры судебных актов (судов общей юрисдикции и арбитражных судов), содержащих ссылки на ст. 451 ГК РФ в процессе разрешения спора по существу (свыше тысячи за период с 2010 г.); пять обзоров судебной практики Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ), утвержденные Президиумом ВС РФ за период с 2016 г. по настоящее время. При этом нужно иметь в виду, что речь идет только о части опубликованных судебных актов, вынесенных судами порядка десяти субъектов Российской Федерации.

Во множестве позиций Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), включая определения об отказе в принятии жалобы к рассмотрению, он указывает на функцию рассматриваемых способов защиты. Отмечается, что ст. 451 ГК РФ служит обеспечению защиты интересов той стороны договора, для которой в условиях существенного изменения обстоятельств исполнение обязательства повлекло бы наступление такого ущерба, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора. При рассмотрении всех жалоб заявителей сделан вывод, что эти положения не могут расцениваться как нарушающие их конституционные права (конечно, в том аспекте и в тех рамках, которые ограничены содержанием жалобы). Кроме того КС РФ указывает в своих определениях, как правило на то, что заявителями (истцами, ответчиками в гражданском споре) не были представлены доказательства существенного изменения обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договоров, что составляет основание их исковых требований [1 – 4].

Более точный акцент на это сделан, например, в Определении КС РФ от 26 мая 2016 г. № 1019-О, где из п.2 следует: для изменения договора по требованию заинтересованной стороны необходимо наличие одновременно всех предусмотренных п. 2 ст. 451 ГК РФ условий [2].

Не останавливаясь на подробной характеристике каждого такого условия, перечислим их применительно к досудебному порядку заявления требования об изменении договора или требования о расторжении договора в силу п.1 ст. 451 ГК РФ. К ним следует отнести:

1. наличие факта заключения между сторонами гражданско-правового договора;
2. изменение после заключения договора обстоятельств, при которых он был заключен;

3. изменение обстоятельств должно быть существенными, то есть оно должно быть такого содержания и характера, что, если бы стороны могли это разумно предвидеть, договор вообще не был бы ими заключен или был бы заключен на значительно отличающихся условиях;

4. наличие определенного имущественного интереса хотя бы у одной стороны (подразумевается, прежде всего, сторона, заявившая соответствующее требование) в том, чтобы действие заключенного договора на прежних условиях не привело бы к таким отрицательным последствиям, как нарушение в значительной степени баланса интересов сторон, в частности к неполучению той выгоды, которую планировало лицо при заключении договора с целью удовлетворения этого интереса;

5. наличие реальной угрозы нарушения такого интереса или уже наступившее нарушение определённого интереса (например, учитывая быстротечность изменения обстоятельств, длительность юридической процедуры урегулирования конфликта);

6. причинно-следственная связь между изменением обстоятельств и теми отрицательными последствиями в сфере имущественных интересов, на которые ссылается сторона;

7. обоснование заинтересованной стороной предлагаемых ею к изменению условий, а если предлагается расторгнуть договор, то обоснование того, какие именно условия в действующем договоре она не приняла бы в момент заключения договора, зная о будущих изменениях в первоначальной обстановке.

Результат применения заявленного требования может быть как положительным, если другая сторона согласится с предложением об изменении (расторжении) договора, так и отрицательным.

Следует обратить внимание, что в п.1 ст. 451 ГК РФ нет конкретизации того, что необходимо понимать под интересом стороны, использующей рассматриваемые нами способы защиты. Следовательно, при наличии согласия другой стороны на изменение (расторжение) договора, контрагенты вправе закрепить это, назвав интерес (интересы) каждой из них, нарушение которых могло бы произойти (угроза нарушения которых существует в будущем), если они не изменят или не расторгнут договор на основании п. 1 ст. 451 ГК РФ. Это утверждение строится на базовых принципах, основных началах гражданского законодательства РФ и гражданского права: юридическое равенство сторон, автономия воли, принцип соответствия договора закону, свобода договора, добросовестность, разумность, справедливость и др. Конечно, ориентиром при этом может служить подп. 3 п. 2 ст. 451 ГК РФ, из которого следует, что исполнение договора без изменения его условий настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать

при заключении договора. Но подчеркнем, что процитированные положения обязан установить суд, но не обязаны с той же процедурной формальностью устанавливать стороны, заключая соглашение без обращения к судебной форме защиты. Кроме того, использование их в рамках досудебной процедуры может быть обусловлено применением аналогии закона (п.1 ст. 6 ГК РФ).

Если же сторонам не удалось достичь соответствующего соглашения, то договор может быть расторгнут на основании судебного решения. Таким образом, закон прямо указывает на основной возможный способ защиты в ситуации отсутствия согласия контрагентов: требование о расторжении договора. Предмет доказывания при этом гораздо шире, что вытекает из п. 2 ст. 451 ГК РФ. Помимо вышеперечисленных условий должны быть установлены также следующие (все в совокупности):

- направление истцом ответчику в досудебном порядке предложения изменить или расторгнуть договор (п. 2. ст. 452 ГК РФ);
- отказ стороны договора (ответчика) принять это предложение или неполучения истцом ответа в установленный срок,
- а также четыре условия, которые предусмотрены в подп. 1 – 4 п. 2 ст. 451 ГК РФ.

Что касается использования в судебном порядке такого способа, как требование заинтересованной стороны об изменении договора в связи с существенным изменением обстоятельств, то это допускается в исключительных случаях: если суд установит, что расторжение договора противоречит общественным интересам либо повлечет для сторон ущерб, значительно превышающий затраты, необходимые для исполнения договора на измененных судом условиях (п. 4 ст. 451 ГК РФ). Можно утверждать, что это специальное (по отношению к п. 2 ст. 451 ГК РФ) основание изменения договора, для применения которого в любом случае необходимо установить ту совокупность условий, которые мы сформулировали выше применительно к п. 2 названной статьи. Изучение опубликованной в СПС «КонсультантПлюс» судебной практики позволяет утверждать, что такой способ участниками гражданского оборота используется, однако суд отказывает в удовлетворении иска. Обусловлено это даже не тем, что не установлена исключительность конкретного случая, а отсутствием одного или нескольких условий, предусмотренных в подп. 1 – 4 п. 2 ст. 451 ГК РФ, или недоказанностью существенности изменения обстоятельств.

Круг интересов, угрозу нарушения которым может представлять существенное изменение обстоятельств в контексте ст. 451 ГК РФ, а также самих обстоятельств, подвергнувшихся изменению, зависит, в том числе от вида гражданско-правового договора. Среди наиболее часто встречаемых в судебной практике отметим такие, как кредитный договор, договор займа, договор аренды, договор поставки и договор подряда, заключаемые на

основании государственных (муниципальных) контрактов для государственных и муниципальных нужд.

Безусловно, следует согласиться с мнением тех ученых и практиков, которые в своих исследованиях, говоря о роли ст. 451 ГК РФ, указывают, что количественный показатель применения ее положений может служить индикатором критичности политических, экономических, социальных, и законотворческих процессов. Это утверждение связано с отдельной сферой исследования – анализом обстоятельств, изменение которых доказывает заинтересованная сторона, но в данной статье он не проводится. Вместе с тем, количество и содержание судебных дел только в базе СПС «КонсультантПлюс» свидетельствует, во-первых, о востребованности рассмотренных способов защиты и, во-вторых, об изменении в последние три года позиций судов в оценке ряда обстоятельств, которые ранее не признавались юридически значимыми для изменения или расторжения договора в рамках ст. 451 ГК РФ. В частности, эпидемиологическую обстановку, ограничительные меры и режим самоизоляции, изменения законодательства суды в последние три года относят к таковым с учетом других условий, доказанных в процессе судебного разбирательства.

Список литературы

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.07.2016 г. [№ 1515-О](#) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19.07.2016 г. № 1574-О // СПС «КонсультантПлюс».
3. Определение Конституционного Суда РФ от 26 мая 2016 г. № 1019-О // СПС «КонсультантПлюс».
4. Определение КС России от 16 февраля 2012 г. № 256-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – канд. юр. наук, доцент кафедры гражданского права Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: bartkova_og@mail.ru, SPIN-код: 1716-9636; т. 8-900-117-37-35.

О ПРИОРИТЕТЕ ИНТЕРЕСОВ РОДИТЕЛЕЙ В ПРАВООТНОШЕНИЯХ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ

А.В. Гринева

ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет», г. Курск

Аннотация. Автор анализирует семейные правоотношения по воспитанию детей не только родителями, но и другими лицами. Отмечается, что иные лица участвуют в воспитании ребенка в силу фактических или формальных оснований, что, однако, не умаляет преимущественное право родителей на воспитание своих детей. На основе анализа норм Семейного кодекса РФ автор формулирует и обосновывает вывод о приоритете интересов родителей перед интересами всех иных лиц, участвующих в семейных правоотношениях по воспитанию ребенка.

Ключевые слова: семейное законодательство; правоотношения по воспитанию детей; интересы родителей; иные воспитатели ребенка; преимущественное право родителей

Правоотношения по семейному воспитанию детей, как правило, ассоциируются с родительским правоотношением, то есть той сферой семейных правоотношений, где присутствуют родители и дети, причем именно родители осуществляют права и обязанности по воспитанию и содержанию детей. В то же время не являются исключением ситуации, когда воспитанием ребенка занимаются и иные лица, причем возникающие при этом правоотношения могут иметь фактические или формальные основания.

Представим семейные правоотношения, демонстрирующие традиционный вариант воспитания ребенка в условиях двух поколенной полной семьи: у ребенка есть оба родителя, проживающие совместно, а также бабушки и дедушки со стороны обоих родителей.

Безусловно, согласно ст.63 Семейного кодекса Российской Федерации [1] (далее – СК РФ) именно родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей, именно родители имеют преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами, в том числе и перед своими родителями. Однако исключить общение и, как следствие, воспитательное воздействие бабушек и дедушек на ребенка объективно невозможно, да и нецелесообразно исходя из интересов же ребенка. Согласимся с О.Ю.Ильиной в том, что бабушки и дедушки выступают полноправными субъектами семейных правоотношений по воспитанию несовершеннолетних, не исключены и споры между родителями и бабушкой, дедушкой по вопросам, связанным с воспитанием ребенка, общением с ним [2]. Однако именно родители выступают законными представителями ребенка, несут ответственность за жизнь и здоровье несовершеннолетнего, а также за надлежащее его воспитание.

Предоставленное законом преимущественное право родителей на обучение и воспитание своих детей не стоит воспринимать исключительно в пределах осуществления соответствующих прав и обязанностей. Справедливо утверждение Ковалевой М.Л. о том, что семейное законодательство предусматривает и специальные способы защиты преимущественных прав. В частности, данный автор указывает на требование родителей о возврате ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или не на основании судебного решения [4].

Родители по своему усмотрению, но руководствуясь интересами ребенка, принимают те или иные решения, совершают те или иные действия, в том числе при даче согласия на совершение непосредственно самим несовершеннолетним различных юридически значимых действий.

Не исключен вариант возникновения противоречий между интересами родителей, что, как правило, развивается из конфликтной ситуации в спор, разрешаемый судом.

Заметим, что, наделив родителей преимущественными правами и полномочиями законных представителей детей, законодатель сохранил публичный контроль в данной сфере. В соответствии со ст.64 СК РФ родители не вправе представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства будет установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. Четко обозначены и правовые последствия констатации противоречий: в такой ситуации орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей.

Кстати, это далеко не единственный пример, когда законодатель демонстрирует приоритет интересов ребенка, при этом исключительный характер преимущественного права родителей на воспитание своих детей не принимается во внимание. Как уже отмечалось, родители вправе требовать возврата своего ребенка от любых лиц, удерживающих его при отсутствии на то законных оснований. Так вот, с учетом мнения ребенка суд может не только отказать в удовлетворении иска родителей о возврате им ребенка, но и вовсе передать ребенка на попечение органам опеки и попечительства (ст. 68 СК РФ).

Представленные правоотношения отличаются отсутствием формальных оснований для участия бабушки, дедушки, а также иных родственников в воспитательном процессе.

Представляется, что более иллюстративны в этих целях правоотношения, возникающие при передаче ребенка под опеку или попечительство, а также при его усыновлении.

Как следует из содержания ст.148.1 СК РФ, с момента возникновения прав и обязанностей опекуна (попечителя) родители утрачивают права и обязанности по представительству и защите прав и законных интересов ребенка. Значит ли это, что родители, если они не лишены родительских

прав, утрачивают и преимущественное право на обучение и воспитание своего ребенка, а также иные родительские права и обязанности? Очевидно, нет. Все родительские права и обязанности сохраняются в полном объеме, за исключением лишь обеспечения интересов ребенка в отношениях с третьими лицами.

Согласимся, весьма пикантными выглядят правоотношения по воспитанию ребенка с одновременным участием родителей и назначенного опекуна (попечителя).

С одной стороны, в соответствии со ст.148.1 СК РФ опекун (попечитель) не вправе препятствовать общению ребенка с его родителями и другими родственниками, за исключением случаев, если такое общение не отвечает интересам ребенка. Именно опекун (попечитель) имеет право и обязан воспитывать ребенка, заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии ребенка. При этом опекун (попечитель) вправе самостоятельно определять способы воспитания ребенка, выбирать образовательную организацию.

Анализ соответствующих норм позволяет предположить, что опекун (попечитель) приобретает в полном объеме родительские права и обязанности, более того, имеет право на основании решения суда требовать возврата ребенка даже от родителей и иных родственников. Как пишут авторы одного из учебников по семейному праву, «... права и обязанности опекунов (попечителей), которые близки родительским правам и обязанностям» [5].

Но, с другой стороны, закон предусматривает ряд юридически значимых действий, которые не может совершать опекун (попечитель) ребенка, соответствующее право принадлежит только родителям. Например, обратиться с заявлением об изменении имени ребенка. Кроме того, в акте о назначении опекуна (попечителя) могут быть прямо предусмотрены различные запреты, например, на смену места жительства подопечного.

Согласно п.3 этой же статьи любые действия (бездействие) по осуществлению опеки или попечительства опекуном или попечителем ребенка могут быть обжалованы родителями в орган опеки и попечительства. Таким образом, законодатель сохраняет приоритет интересов родителей в решении вопросов, связанных с воспитанием ребенка, даже временно переданного под опеку (попечительство).

Нельзя оставлять без внимания и психолого-правовые вопросы передачи детей от опекунов (попечителей) родителям, что совершенно справедливо отмечает Н.А. Карагодина [3]. Автор приводит определение № 4-КГ13-36 от 11 февраля 2014 года, где Верховный суд РФ указал, что преимущественное право родителей на воспитание детей перед всеми другими лицами не подразумевает, что обращение родителя в орган опеки и попечительства с заявлением о прекращении опеки над его ребенком

должно во всяком случае повлечь освобождение опекуна, назначенного в соответствии с законом, от исполнения им своих обязанностей. В то же время не согласимся с категоричностью автора в заявлении «Возврат ребенка его родителям осуществляется без учета ресурсов родителей воспитывать ребенка, изменения отношения к воспитанию ребенка, наличия/отсутствия материальных условий для воспитания» [3]. Поскольку автор не приводит конкретных примеров, смеем предположить, что органы опеки и попечительства, суд руководствуются исключительно интересами ребенка и при отсутствии условий, обеспечивающих их при передаче ребенка родителям, ребенок будет передан на попечение органа опеки и попечительства.

Воспитание ребенка опекуном (попечителем), в том числе в приемной семье, является временной формой устройства и воспитания детей, в силу различных причин оставшихся без попечения родителей. Иная ситуация складывается при усыновлении, поскольку, по общему правилу, усыновленный ребенок «юридически входит» в состав семьи своих усыновителей.

Однако и при усыновлении законодатель сохраняет приоритет интересов родителей перед интересами усыновителей, поскольку в силу ст.142 СК РФ родители ребенка имеют право требовать отмены усыновления.

Вышеизложенное дает нам основания утверждать, что для отечественного законодательства, регулирующего отношения по воспитанию детей в семье родителями и (или) иными лицами, характерен принцип приоритета интересов родителей даже при временном осуществлении родительских прав и обязанностей, в том числе полномочий по представительству и защите прав и интересов детей иными лицами. Однако этот приоритет характерен лишь для взаимоотношений между родителями и иными лицами, воспитывающими или претендующими на воспитание ребенка, при принятии же решения по вопросу, связанному с воспитанием ребенка, орган опеки и попечительства, суд руководствуются интересами ребенка.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
2. Ильина О.Ю. О правах и обязанностях бабушек и дедушек в семейных правоотношениях с участием детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2021. № 4 (68). С.20-28.
3. Карагодина Н.А. Психолого-правовые аспекты разрешения вопроса о передаче детей на воспитание в кровную семью // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Ребенок и правосудие» (г. Москва, 13 декабря 2018 года). – М.: АППП, 2018, с. 74-77.
4. Ковалева М.Л. Преимущественные права в семейном праве Российской Федерации. Автореферат дисс. ... канд.юрид.наук, м., 2011, с.10-11.

5. Семейное право: Учебник / Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников, Л.Ю. Михеева, О.А. Рузакова; под ред. П.В. Крашенинникова. – 5-е изд., перераб. И доп. – Москва: Статут, 2022, с. 272.

Об авторе:

ГРИНЕВА Анна Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (305040, Курская область, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94); судья Арбитражного суда Московской области, e-mail: annagrין@rambler.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПРАВОСПОСОБНОСТЬ И ДЕЕСПОСОБНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

О.В. Жукова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. Автором проанализирована научная статья Р.Е. Гукасяна, посвященная соотношению материальной и процессуальной правоспособности. Идеи, которые были представлены Рафаэлем Егишевичем Гукасяном о разграничении понятий «процессуальная правоспособность» и «процессуальное положение субъекта материальной отрасли права», рассмотрены через призму особенностей реализации правосубъектности несовершеннолетних, необходимости определения их положения в процессе.

Ключевые слова: правоспособность, дееспособность, правосубъектность, несовершеннолетние, право на судебную защиту.

Одно из научных направлений трудов Рафаэля Егишевича Гукасяна – исследование взаимосвязи материального и процессуального права. В 1981 г. в межвузовском тематическом сборнике была опубликована работа «Соотношение материальной и процессуальной правоспособности», в которой Рафаэль Егишевич отметил, что предусмотренная законом способность быть субъектом права в юридической литературе отражается в понятиях «правоспособность», «правосубъектность», «компетенция». Во всех случаях, по мнению Р.Е. Гукасяна, речь идет о том, что лицо или коллективное образование может стать носителем субъективных прав и обязанностей данной отрасли права, поэтому понятие «правоспособность» с различными смысловыми оттенками присутствует и в таких понятиях, как «правосубъектность» и «компетенция». При этом Рафаэль Егишевич соглашался с мнением о том, что понятие правосубъектности раскрывается через категории правоспособности и дееспособности, а прокурор, государственные органы и организации, защищающие в процессе чужой интерес, обладают именно компетенцией [1, с. 361, 367].

В настоящей статье рассмотрим особенности материальной и процессуальной правосубъектности такого субъекта права, как несовершеннолетний, «через призму интереса» [4, с. 3].

Безусловно, ст. 38 Конституции РФ, закрепляющая положение о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, предопределяет необходимость во всех правоотношениях признавать приоритет защиты интересов ребенка. Представляется, что наибольшего внимания требуют вопросы воспитания и образования ребенка, особенно когда интересы несовершеннолетнего и его законных представителей фактически не совпадают. В этих случаях несовершеннолетний должен

иметь возможность защитить свои интересы, вплоть до обращения в суд. Значение имеют и такие дела, возникающие из семейных правоотношений, как определение места жительства ребенка, лишение или ограничение родительских прав, поскольку в них проявляется сущность семейных взаимоотношений.

Статья 56 Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) закрепляет, что ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), органом опеки и попечительства, прокурором и судом.

Ребенок вправе выражать свое мнение при решении в семье любого вопроса, затрагивающего его интересы, а также быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства. Учет мнения ребенка, достигшего возраста 10 лет, обязателен, за исключением случаев, когда это противоречит его интересам. Органы опеки и попечительства или суд могут принять решение только с согласия ребенка, достигшего возраста 10 лет (ст. 57 СК РФ). При этом, предусмотрев право «быть заслушанным в ходе любого судебного или административного разбирательства», не получил законодательного закрепления порядок учета мнения ребенка в судебном разбирательстве, процессуальный статус несовершеннолетнего.

С учетом мнения и интересов ребенка должен быть рассмотрен спор между родителями при отсутствии соглашения о месте жительства детей (ст. 65 СК РФ). Судебной практике известны случаи, когда каждый из родителей использует все имеющиеся возможности, дабы обеспечить место проживания ребенка с ним. Иногда интересы ребенка остаются в стороне, имея лишь значение формального показателя. Фактически же превалируют интересы одного из родителей. При рассмотрении спора об определении места жительства ребенка с одним из родителей суд может отказать в удовлетворении требований каждого из родителей исходя из интересов ребенка [3, с. 50–51]. Отметим, что необходимо закрепить не только право несовершеннолетнего, достигшего возраста 14 лет, самостоятельно определять свое место жительства, но и предусмотреть порядок реализации этого права, в том числе возможность обращения в суд с требованием об определении места жительства.

Интерес несовершеннолетних детей становится предметом исследования и при определении долей при разделе общего имущества супругов, когда суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, если затрагиваются интересы их несовершеннолетних детей (ст. 39 СК РФ). Интерес несовершеннолетнего должен быть учтен не только при защите жилищных прав несовершеннолетнего как члена семьи собственника при расторжении брака его законных представителей, но и при отсутствии зарегистрированного брака, а также в случае отчуждения жилого помещения, в котором проживает ребенок [2, с. 117–124].

Отдельные положения СК РФ затрагивают права и интересы

несовершеннолетних родителей. В частности, ч. 3 ст. 62 СК РФ закрепляет право несовершеннолетних родителей признавать и оспаривать свое отцовство и материнство на общих основаниях, а также требовать по достижении ими возраста 14 лет установления отцовства в отношении своих детей в судебном порядке. Возникает вопрос: сможет ли несовершеннолетний родитель самостоятельно обратиться с требованием о признании или оспаривании отцовства и материнства на общих основаниях?

С точки зрения приоритета защиты интересов ребенка не совсем логичным представляется закрепление права усыновленного ребенка, достигшего возраста 14 лет, обратиться в суд с требованием об отмене усыновления (ст. 142 СК РФ), но при этом не предусмотрена возможность обращения несовершеннолетнего по делам о лишении родительских прав (ст. 70 СК РФ) или ограничении родительских прав (ст. 73 СК РФ), несмотря на то, что в этих случаях затрагиваются напрямую права и интересы ребенка.

Представляется, что в семейном законодательстве необходимо закрепить перечень дел, по которым несовершеннолетний может самостоятельно обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов.

Относительно гражданской правосубъектности в юридической литературе высказываются предложения, направленные на изменение законодательства, связанные с необходимостью обязательного учета интересов несовершеннолетних: в частности при одобрении сделки, совершенной несовершеннолетним в возрасте от 14 до 18 лет без согласия законных представителей; в случае лишения или ограничения несовершеннолетнего права самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией или иными доходами; в случае объявления несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипированным) и т.д. [2, с. 64–68].

Реализация трудовой правосубъектности несовершеннолетнего работника также требует дополнительного регулирования. Статья 63 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) закрепляет положение о том, что заключение трудового договора допускается с лицами, достигшими возраста 16 лет. Исключением из общего правила является, во-первых, возможность заключения несовершеннолетними, достигшими возраста 15 лет, трудового договора для выполнения легкого труда, не причиняющего вреда здоровью, без ущерба для освоения образовательной программы. Во-вторых, этот возраст может быть снижен до 14 лет, но при условии письменного согласия одного из родителей (попечителя) и органа опеки и попечительства и выполнения легкого труда в свободное от получения образования время. В-третьих, заключение трудового договора возможно и с лицами, не достигшими возраста 14 лет, но только для участия в создании и (или) исполнении (экспонировании) произведений без ущерба здоровью и

нравственному развитию при условии получения разрешения органа опеки и попечительства. В-четвертых, ст. 348.8 ТК РФ регулирует заключение трудового договора со спортсменом, не достигшим возраста 14 лет, который может заключить трудовой договор только с согласия одного из родителей (опекуна), разрешения органа опеки и попечительства, выдаваемого на основании предварительного медицинского осмотра, без ущерба для своего здоровья и нравственного развития.

При этом ст. 391 ТК РФ, предусматривающая право работника обратиться в суд в случае индивидуального трудового спора, не содержит ограничений, связанных с возрастом работника, что возможно рассматривать как закрепление права на обращение в суд независимо от того, в каком возрасте несовершеннолетний заключил трудовой договор. Очевидно, что воспользоваться своим правом на судебную защиту несовершеннолетний не сможет самостоятельно, не предоставлены такие полномочия не только законным представителям, но и органам опеки и попечительства.

Необходимо отметить и различный подход законодателя к закреплению процессуальной правосубъектности несовершеннолетних в гражданском и административном судопроизводстве.

Статья 37 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ), закрепляя общее положение о том, что гражданская процессуальная дееспособность принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим 18 лет, а несовершеннолетний может лично осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности в суде со времени вступления в брак или объявления его полностью дееспособным (эмансипация), предусматривает, что права, свободы и законные интересы несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет защищают в процессе их законные представители. Вместе с тем п. 4 этой же статьи содержит исключение из общего правила, согласно которому по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы. Однако суд вправе привлечь к участию в таких делах законных представителей несовершеннолетних.

Кодекс об административном судопроизводстве РФ (далее – КАС РФ) предусматривает положение о том, что способность своими действиями осуществлять процессуальные права, в том числе поручать ведение административного дела представителю, и исполнять процессуальные обязанности в административном судопроизводстве (административная процессуальная дееспособность) принадлежит несовершеннолетним гражданам в возрасте от 14 до 18 лет – по административным делам, возникающим из спорных административных и иных публичных правоотношений, в которых указанные граждане согласно закону могут участвовать самостоятельно. В случае необходимости суд может привлечь

к участию в рассмотрении административного дела законных представителей (п. 2 ч. 2 ст. 5 КАС РФ).

Сравнительный анализ этих норм показывает, что КАС РФ закрепляет право несовершеннолетнего поручать ведение административного дела представителю. С одной стороны, это дает возможность несовершеннолетнему воспользоваться услугами представителя, например в случае противоречий его интересов с законным представителем, а с другой стороны, сможет ли несовершеннолетний воспользоваться данным правом и выбрать себе представителя, поскольку в законе нет никаких гарантий, связанных с оплатой этого представителя, и т.д.

В любом случае возникает вопрос: сможет ли несовершеннолетний самостоятельно воспользоваться своим правом на обращение в суд, учитывая то обстоятельство, что несовершеннолетний не освобождается от уплаты госпошлины. В ст. 333.35 Налогового кодекса РФ, закрепляющей льготы для отдельных категорий физических лиц и организаций, нет несовершеннолетних.

Конечно, применение информационных технологий в судопроизводстве расширяет возможности несовершеннолетних обратиться в суд, поскольку цифровизация любых процессов ближе молодому поколению, им фактически облегчается доступ к правосудию.

Не менее важным является определение статуса несовершеннолетнего в процессе, если в суд в защиту его интересов обращаются законные представители. В действующем процессуальном законодательстве нет закрепления правового статуса несовершеннолетнего как лица, участвующего в деле, не урегулирован и вопрос о процессуальном положении законных представителей несовершеннолетних, которые сами не достигли 18-летнего возраста. Очевидно, что в случае разногласий между законными представителями и несовершеннолетним они не вправе представлять интересы своего ребенка.

Статья 64 СК РФ закрепляет, что в случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и интересов детей. При этом ни прокурор, ни органы опеки и попечительства не могут быть представителями несовершеннолетнего в суде, поскольку имеют служебную заинтересованность в процессе независимо от формы участия. Именно в силу своей компетенции они должны заботиться о приоритете защиты интересов ребенка. Вопрос о назначении представителя для защиты прав и интересов детей заслуживает самостоятельного рассмотрения.

Особо следует обратить внимание на процессуальное положение несовершеннолетнего при рассмотрении дел, связанных с его жизнью и здоровьем. Так, например, гл. 31.1 КАС РФ закрепляет судебный порядок защиты интересов несовершеннолетнего при отказе законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения

жизни. В данном случае нельзя говорить о приоритете интересов несовершеннолетнего со стороны его законных представителей. Напротив, административное исковое заявление о защите интересов несовершеннолетнего подается в суд в случае отказа одного из родителей или иного законного представителя несовершеннолетнего, не достигшего возраста, с которого пациент самостоятельно дает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство в соответствии с законодательством об охране здоровья (ст. 285.1 КАС РФ). Очевидно, что интересы несовершеннолетнего и его законного представителя могут и не совпадать либо быть противоположными. При рассмотрении таких дел орган опеки и попечительства и прокурор извещаются о времени и месте рассмотрения административного дела. Их явка может быть признана судом обязательной. Но остается законодательно не урегулированным вопрос о том, кто и каким образом будет защищать интересы несовершеннолетнего, поскольку состояние здоровья несовершеннолетнего может стать препятствием его личного участия в рассмотрении дела.

Кроме того, возникают вопросы с применением ст. 54 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», предусматривающей право несовершеннолетних в возрасте старше 15 лет или больных наркоманией несовершеннолетних в возрасте старше 16 лет на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство или отказ от него. Таким образом, положение законодательства об охране здоровья идет вразрез с положением процессуального законодательства, предусматривающим право несовершеннолетних с 14 лет самостоятельно защищать в суде свои права и законные интересы.

КАС РФ не закрепляет особенностей обращения по делам об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями применительно к несовершеннолетним. Остаются открытыми вопросы о том, применяются ли положения ст. 5 КАС РФ о возможности несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет участвовать самостоятельно в процессе в порядке гл. 22 КАС РФ, обладает ли он процессуальной правосубъектностью в этом случае, может ли несовершеннолетний самостоятельно обратиться в суд и оспорить, например, решение органа опеки и попечительства или налоговых органов и т.д.

Установление противоречий интересов родителей (одного из родителей) и несовершеннолетних является предметом рассмотрения и при объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным (гл. 32 ГПК РФ). Статья 287 ГПК РФ закрепляет право несовершеннолетнего, достигшего возраста 16 лет, обратиться в суд по месту своего жительства с заявлением об объявлении его полностью дееспособным. Но необходимо

отметить, что заявление об эмансипации принимается судом только при отсутствии согласия законных представителей. Поэтому несовершеннолетний должен не только обратиться, но и представлять самостоятельно свои интересы в суде.

В заключение необходимо отметить, что труды Р.Е. Гукасяна не утрачивают актуальности и позволяют развивать его идеи, давать свое толкование и современное осмысление [5, с. 145]. В связи с тем, что правоспособность и дееспособность, а также правовой статус несовершеннолетних не получили законодательного закрепления, необходимость дальнейшего научного исследования особенностей судебной защиты прав несовершеннолетних не вызывает сомнения.

Список литературы

1. Гукасян Р.Е. Соотношение материальной и процессуальной правоспособности // Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. – 480 с. (Работа была впервые опубликована в сборнике: Материальное право и процессуальные средства его защиты. Межвузовский тематический сборник. Калинин, 1981. С. 3–13).
2. Зайцева Л.В. Конфликт интересов в трудовых отношениях с участием представителей: проблемы и пути их преодоления // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 4. С. 143–149.
3. Ильина О.Ю. О сложносочиненном и многоподчиненном конфликте интересов в спорах о детях при расторжении брака // Защита прав и охраняемых законом интересов граждан: факультетские Научные чтения им. профессора Р.Е. Гукасяна. Вып. II. Тверь, 2021. – 106 с.
4. Туманова Л.В. Вступительное слово // Материалы факультетских Научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». Тверь, 2020. – 162 с.
5. Туманова Л.В. Субъекты гражданского процесса и проблема интереса // Материалы факультетских Научных чтений им. профессора Р.Е. Гукасяна «Защита прав и охраняемых законом интересов граждан». Тверь, 2020. – 162 с.

Об авторе:

ЖУКОВА Олеся Витальевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 4257-9631, AuthorID: 322563; e-mail: Zhukova.OV@tversu.ru.

МАНИПУЛЯЦИЯ КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА

М.С. Иванова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. В статье рассматривается несколько способов достижения интересов сторон при ведении переговоров по заключению договора. Манипуляции, как составная часть коммуникации, связаны с правовыми интересами и помогают достичь желаемого юридического результата. Автор на примере заключения договора исследует виды манипуляций и приходит к выводу о том, что в теории правового интереса важным является не только определение понятий и категорий, но и реальные инструменты для создания тех правоотношений, которые будут отвечать интересам сторон.

Ключевые слова: договор, договорные споры, интерес, манипуляции, правоотношения сторон, ведение переговоров.

Настоящая статья подготовлена на основе практического опыта ведения переговоров по заключению договоров, согласованию условий, урегулированию разногласий, достижению соглашений. Теоретические вопросы, исследуемые юридической наукой, и действующие правовые нормы находят свое выражение в правоприменительной деятельности. Право создается людьми, ими же и используется, поэтому рассматривать некоторые правовые процессы целесообразно с учетом особенностей человеческой личности. Эти особенности проявляются во взаимодействии, порождают коммуникацию. В любой коммуникации происходит выяснение интересов, часть из которых могут попадать в правовое поле. И при коммуникации происходит воздействие на восприятие, что принято называть манипуляций. Полагаю, что описание способов воздействия в коммуникации представляет интерес, поскольку дает понимание, как происходит достижение того результата, который в теории права обозначен как «законные права и интересы сторон». Почему это важно в контексте теории интереса и как манипуляции связаны с правом?

Гукасян Р.Е., занимаясь детальным изучением темы интереса, отметил, что правовые интересы схожи с экономическими, политическими, духовными и иными интересами в том смысле, что все они формируются условиями общественной жизни и имеют свои специфические средства удовлетворения [2]. Так вот процесс использования средств удовлетворения интересов не может быть без коммуникации, а в составе любой коммуникации есть элементы манипуляции.

Предлагаю рассмотреть процедуру переговоров по заключению договора как процесс достижения сторонами соглашения, которое отражает правовые интересы сторон. Считаю, что договорные отношения для этой цели подходят более всего, поскольку стороны находятся в равных правовых условиях, что исключает отношения власти-подчинения, где манипуляции используются более открыто. При этом зачастую, именно при

гарантированном равенстве в переговорах можно проследить наличие самых разнонаправленных интересов, а соответственно способов воздействия на контрагента для получения желаемого. Например, при переговорах есть интересы юридического лица как стороны договора, есть личные интересы лица – непосредственного участника переговоров, представителя, переговорщика. Они могут совпадать или не совпадать, при этом как находиться в рамках правовых отношений, так и нет. То есть, получается как минимум четыре варианта развития процесса и итогового результата и, как следствие, объективированного выражения интереса в виде достигнутого соглашения. В реальности их все же больше.

При совпадении векторов интересов и соблюдении правовых предписаний воздействие направлено на согласование условий договора, в результате коммуникации участников переговоров возникает правоотношение сторон, именуемое договором. Правовой интерес сторон получает статус охраняемого законом интереса. Такая ситуация не редкое явление, типовые договоры широко распространены, особых споров при заключении не возникает, коммуникация происходит путем переписки, степень манипулятивности переговоров достаточно низкая.

Другая ситуация, когда вектора интересов участников не совпадают, и (или) выходят за правовое поле или добросовестное поведение. При ведении переговоров вполне могут быть личные интересы переговорщиков, связанные с получением так называемых «откатов», или с особыми условиями премирования за результат. Могут быть не вполне законные условия договора с целью избежать обязанностей по платежам или получить выгоду. Условия могут быть несправедливыми, в том числе в контексте ст. 428 ГК РФ [1], или неправомерными. Логичным будет вопрос, достигаются ли в этом случае правовые интересы сторон? Вероятно, что, да, так как результатом взаимодействия так же будут правоотношения, в результате которых участники, по крайней мере, некоторые получают выгоды. И здесь как раз важными являются способы влияния, которые используются сторонами для достижения своих целей.

Заключению договора предшествуют переговоры. Переговоры – это процесс общения, который может привести к соглашению, то есть совпадению интересов сторон. Как любая коммуникация процесс переговоров предполагает умение осознавать и отстаивать свои интересы, умение управлять своими эмоциями и умение воздействовать на эмоции других участников. Целями переговорного процесса могут быть: поддерживать диалог без конкретных решений, продлить ранее достигнутые соглашения, достичь соглашения о перераспределении (снизить арендную плату, например) или новых условиях, нормализовать отношения, то есть урегулировать конфликт, собрать информацию, имитировать интерес или провоцировать оппонента. Исходя из указанного, основная задача в переговорах – понимать свою цель и распознать цель

партнера. Цель переговоров связана с итоговым интересом каждой стороны. В процессе коммуникации используется осознанное влияние на мысли, чувства, поведение другого человека, который может не догадываться об этом. Это и есть манипуляция.

Манипуляции бывают психологическими, то есть основанными на психологических эффектах и невербальной коммуникации, например, расправленные плечи, гордо поднятая голова, свободное положение рук и слегка выдвинутая вперед нога как образ «успешного, уверенного человека», а раз человек успешен, то не может быть не прав.

Коммуницируем мы с помощью слов, поэтому считаю возможным перечислить некоторые психологические манипуляции.

1. Как ваша компания относится к нашей, так и мы будем к вам относиться.

2. Вы же не хотите, чтобы... (мы начислили штрафы, повысили цены, обратились в суд и пр.);

3. Вы точно уверены, что... (это выгодно вашей компании, что вы выиграете эти торги и т.д.);

4. Вы подумайте еще, мы вернемся к этому разговору, поразмыслите хорошенько и т.п.;

5. Наши компании работают на одного поставщика (указывается какой-то общий признак, схожесть в чем-то), поэтому вы должны пойти нам на уступки, дать отсрочку платежа и т.п.;

6. Так называемая ошибка восприятия (нет, вы не так все поняли, мы не отказываемся от товара, мы просто договор расторгаем);

7. Использование эмоций (вы же хотите, чтобы ваша продукция получила звание лучшей компании года);

8. Страх потери репутации (вы же понимаете, что эти сведения будут интересны налоговой, правоохранительным органам, правлению, совету директоров и т.п.);

9. Демонстрация власти (вы же теперь понимаете, что стоит на кону, что все зависит от вашего решения и т.д.);

10. Тактика ажиотажа (только сегодня у нас скидка 90%, только три дня до закрытия, срочно, у вас только пара часов и т.п.)

И это не полный перечень

Второй вид манипуляций – логические, то есть основанные на некорректной и нелогичной аргументации.

1. Нападение. Когда вместо обсуждения идет переход на личные качества и вся правомерность аргументации ставится под сомнение. (У вас слишком маленький стаж работы, чтобы предлагать такие варианты);

2. Отвлечение. Когда связь между обсуждаемым и предлагаемым отсутствует (ваше утверждение верно, но мы так делать не будем, потому что ваше мнение неважно);

3. «Мы всегда так делаем». Реальных аргументов нет, только традиции без учета фактических обстоятельств и потребностей (мы всегда проверяем уборку снега до 6 часов утра);

4. Нарушение причинно-следственной связи (договор не подписан, поэтому не заключен);

5. Использование звучания слов без реальной аргументации (вы можете быть уверены, что наша компания исполнит все обязательства, вы можете быть уверены, что нам можно доверять).

6. Перевод внимания со сложностей на эмоции (ваша компания самая лучшая, поэтому только вы можете это сделать или если вы действительно лучшая компания, то вы это сделаете)

Перечень логических манипуляций тоже может быть продолжен.

В завершении хочется отметить, что перечисленные способы влияния на поведение или решение другой стороны не являются рекомендацией к действию, не всегда используются в переговорах с противоправными целями или для злоупотребления своими правами. А также используются не только в переговорах. И, все-таки, личные интересы, правовые интересы, экономические и иные находятся во взаимосвязи, влияют друг на друга, поэтому, когда происходит взаимодействие участников переговоров, необходимо учитывать, что то, как осуществляется воздействие, влияет на формирование интереса и на результат. Логические и психологические манипуляции являются инструментами для создания тех правоотношений, которые будут отвечать интересам сторон.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) //СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.06.2022).

2. Гукасян Р. Е. Правовые и охраняемые законом интересы // Советское государство и право. 1973. № 7. С.113- 116.

Об авторе:

ИВАНОВА Мария Сергеевна – кандидат юр.наук, адвокат Адвокатской палаты Московской области (141600 Московская обл., г.Клин, ул.Гагарина, д.2/13), e-mail: moka011009@yandex.ru

СИНАЛЛАГМАТИЧЕСКОЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО СУПРУГОВ: ПРОБЛЕМА ИНТЕРЕСА И РАВЕНСТВА ПРАВ СУПРУГОВ

О.Ю. Ильина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. Автор заявляет и обосновывает особый характер обязательства супругов в пределах отношений супружества. Доказывается взаимный характер прав и обязанностей супругов в личных неимущественных и имущественных отношениях, а также обусловленность содержания обязательства статусом супруга. Утверждается взаимный характер исполнения супругами обязательства.

Ключевые слова: *отношения супружества; личные отношения супругов; имущественные отношения супругов; синаллагматическое обязательство; интерес; равенство прав супругов.*

Отношения супружества характеризуются особыми основаниями возникновения, как правило, любовь и уважение предопределяют решение мужчины и женщины о заключении брака, добровольный и взаимный характер волеизъявления выступают условиями государственной регистрации заключения брака. Таким образом, еще до вступления в брак мужчина и женщина принимают на себя некоторые обязательства, от надлежащего характера и исполнения которых зависит действительность и прочность брака.

В соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации [1] (далее – СК РФ) заключение брака выступает юридическим фактом для возникновения личных неимущественных и имущественных отношений между лицами, именуемыми после государственной регистрации супругами, само же правовое состояние супружества имеет значение в различных семейных правоотношениях.

В то же время в науке семейного права периодически предпринимаются попытки обосновать необходимость правового регулирования отношений, предшествующих заключению брака. Так, например, Я.В. Наумов заявляет, что им «доказано, что между мужчиной и женщиной, желающими вступить в брак, в рамках отношений, предшествующих заключению брака, возникают не только социальные, но и правовые связи» [8]. Не вступая в дискуссию с данным автором по изложенному тезису, заметим лишь, что с подобным утверждением согласиться сложно.

Лица, вступающие в брак, должны обеспечить соблюдение условий и препятствий, предусмотренных законом для заключения брака, процедуры, установленной законом непосредственно для государственной регистрации. Однако это предполагается в отношении каждого из лиц, вступающих в брак, хотя некоторые обстоятельства могут иметь и взаимный характер. В

частности, среди препятствий для заключения брака в ст. 14 СК РФ указано близкое родство лиц, вступающих в брак, отношения между усыновителем и усыновленным. Таким образом, и жених, и невеста знают о данных препятствиях, но каждый из них выступает лицом, обязанным соблюдать установленные предписания, и в отношении каждого из них установлен соответствующий запрет на заключение брака. Ни у мужчины в отношении женщины, ни у женщины в отношении мужчины, намеревающихся вступить в брак, между собой нет никаких обязательств юридического характера, исключительно морально-нравственные.

Традиционно личные неимущественные отношения между супругами признаются урегулированными в меньшей степени, нежели имущественные. Законодатель устанавливает лишь общие ориентиры: «законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения» (ст. 1 СК РФ); «супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей» (ст. 31 СК РФ). Однако в имущественных отношениях также действует режим совместной собственности (ст.ст. 33-34 СК РФ), владение, пользование и распоряжение общим имуществом осуществляется по взаимному согласию, а при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга (ст.35 СК РФ).

Примечательно, что законодатель лишь в считанных случаях обозначает супругов как «муж» и «жена» (ст.17 СК РФ, ст.89 СК РФ), в том числе «бывшая жена» (ст.90 СК РФ), исходя из общего правила именования мужчины и женщины, состоящих в браке между собой, супругами.

На наш взгляд, тем самым законодатель демонстрирует общность и единство интересов мужа и жены как в личных неимущественных, так и в имущественных отношениях, а также специфику обязательств между ними.

Представляется, что между супругами возникает синаллагматическое обязательство, при котором обе стороны одновременно являются и должником, и кредитором по отношению друг к другу. Мы ранее уже подчеркивали позицию законодателя в регулировании отношений между супругами – однозначный взаимный характер осуществления прав и обязанностей и согласие при совершении юридически значимых действий.

На наш взгляд, взаимное согласие как семейно-правовую категорию следует воспринимать не только и не столько как совпадение воли супругов в фактическом восприятии и формальном решении соответствующего вопроса. Взаимное согласие означает, что каждый из супругов осознает (должен осознавать), что совершает действия одновременно от своего имени и от имени другого супруга. При этом супруг несет ответственность не только перед третьим лицом, но и перед другим супругом,

соответствующее обязательство возникает не только между супругами и третьим лицом, но и между супругами. Супруг, совершив сделку от имени обоих супругов, тем самым принял на себя обязательство и перед другим супругом по обеспечению его прав и интересов.

Отношения супружества существуют до того момента, пока того желают супруги, если речь идет о расторжении брака. Права и обязанности каждого из супругов не могут существовать вне брака. Даже если один из супругов возражает против расторжения брака, он не может рассчитывать на принудительное сохранение брачного союза [6]. Каждый из супругов одновременно утрачивает и права, и обязанности в браке, статус и должника, и кредитора.

Поскольку все начинается с любви, обратимся к попытке законодателя придать правовой характер терминам «любовь» и «взаимное уважение». Включение данных понятий в содержание основных начал семейного законодательства вполне обоснованно повлекло и обозначение соответствующих принципов семейного права [7; 10 с. 375; 11 с. 47-50], с чем мы полностью согласны.

Нельзя не согласиться и с Б.М. Гонгало, по мнению которого «включение в закон рассматриваемых положений, наверное, нельзя оценивать отрицательно. Быть может, следует приветствовать. Но при этом надо отдавать себе отчет в том, что «перевести на юридический язык» такие категории, как любовь и уважение (в семье), еще никогда не удавалось и вряд ли когда-нибудь удастся» [3]. Авторы одной из монографий, посвященной актуальным вопросам юриспруденции, тоже весьма категоричны: «В СК РФ и иных нормативно-правовых актах отсутствует механизм реализации этих пожеланий (любви и уважения – О.И.), не установлены какие-либо меры юридической ответственности за их нарушение (да это и невозможно в силу неправового характера). Следовательно, рассматриваемые положения ч.1 ст.1 СК РФ хотя и имеют важное морально-нравственное, ценностно-ориентационное значение, но не являются принципами семейного права» [9].

Представляется, что ключом к разрешению данного деликатного вопроса должен стать публичный интерес в укреплении семьи и регулировании внутрисемейных отношений на основе взаимной любви и уважения, при этом совершенно нет необходимости в установлении санкций, ведь государство может регулировать общественные отношения различными способами и средствами исходя из целей правовой регламентации, в данном случае, семейных отношений.

И такие средства воздействия есть. Так, если один из супругов возражает против расторжения брака, суд может принять меры по примирению супругов и назначить им примирительный срок в пределах трех месяцев (п.1 ст.23 СК РФ). И только в том случае, если суд установит, что меры по примирению оказались безрезультатными, а один из супругов

по-прежнему настаивает на расторжении брака, суд принимает решение о расторжении брака, тем самым учитывает взаимность супружеского обязательства, интересы каждого из супругов в контексте сохранения брака.

И при утрате интереса хотя бы одного из супругов в сохранении брака суд констатирует прекращение супружества как синаллагматического обязательства супругов, поскольку один из участников отказался от статуса супруга [5]. Кстати, совершенно не случайно Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» разъяснил: «В мотивировочной части решения в случае, если один из супругов возражал против расторжения брака, указываются установленные судом причины разлада между супругами, доказательства о невозможности сохранения семьи» [2]. Смеем предположить, что иными категориями, кроме как «любовь» и «уважение», представить причины расторжения брака и соответствующие доказательства невозможно.

Загоровский А.И. более ста лет назад обозначал взаимные личные права и обязанности супругов как то:

- взаимное право и обязанность исполнения каждым супругом супружеского долга;
- обязанность взаимной супружеской верности, «вызываемая не физическим только, но и нравственным единением их»;
- обязанность взаимопомощи, взаимной поддержки материальной и моральной;
- обязанность совместной жизни супругов [4].

Заметим, что традиционные семейные ценности, обеспечивающие прочность брака, очевидно, подвержены ребрендингу, но суть остается прежней: исключительно общность интересов, взаимность прав и обязанностей супругов составляют содержание супружеского обязательства.

Кстати, ст. 31 СК РФ предоставляет каждому из супругов свободу в выборе мест пребывания и жительства, что иногда воспринимается как право на отдельное проживание супругов. Действительно, иногда это может быть вызвано объективными причинами, иногда представлениями супругов (одного из них) об организации жизни супругов.

Однако, в ст. 22 СК РФ предусмотрено: «Расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны». Таким образом, «дальнейшая совместная жизнь супругов» априори выступает элементом супружеского обязательства.

Полагаем важным обратить внимание на еще один признак метода семейно-правового регулирования личных отношений между супругами. Ни в СК РФ, ни в ином законодательном акте нет нормы, разрешающей супругам заключать соглашения, регулирующие личные отношения между

ними. Конечно, всегда можно обратиться к принципу «все, что не запрещено, то разрешено» и так называемым непоименованным договорам, предложить супругам заключить соглашение о порядке их совместного/раздельного проживания и т.п. Безусловно, супруги могут жить и врозь, это сфера сугубо частных интересов, государство и общество должны признавать такой формат, раз на то добрая воля супругов, но придать этой воле формальный характер вряд ли возможно.

Действительно, вопрос интересный, особенно в контексте обозначенного нами синаллагматического обязательства супругов: могут ли они своим соглашением определить порядок осуществления личных супружеских прав и исполнения личных супружеских обязанностей, являясь одновременно и кредитором, и должником в супружеском обязательстве?

Законодатель императивен в отношении лишь одного договора, заключаемого супругами между собой – брачного. Согласно ст.40 СК РФ брачный договор определяет имущественные права и обязанности супругов, в соответствии же со ст.42 СК РФ брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения между супругами.

На наш взгляд, какие-либо соглашения в сфере личных отношений между супругами не могут быть оформлены как документ, приоритет в данном случае – взаимное согласие, взаимная любовь и уважение. Формальный характер согласия супругов в сфере личных отношений одновременно будет выступать ограничителем прав каждого из супругов в семье.

Согласимся, имущественные отношения между супругами являются производными от личных, ведь особый правовой режим регулирования имущественных отношений обусловлен именно спецификой субъектного состава, наличием статуса супруга. Кстати, только для имущественных отношений супругов установлены специальные правила, обеспечивающие взаимный характер существующего обязательства:

- право на общее имущество супругов принадлежит и тому из супругов, который в период брака вел домашнее хозяйство, ухаживал за детьми (п.3 ст.34 СК РФ);

- суд может признать имущество, которое было нажито каждым из супругов при фактическом прекращении семейных отношений в период их раздельного проживания, собственностью каждого из них (п.4 ст.38 СК РФ);

- суд вправе отступить от принципа равенства долей при разделе общего имущества супругов, если будет установлено, что один из супругов расходовал общее имущество в ущерб интересам семьи (п.2 ст.39 СК РФ).

Приведенные примеры более чем достаточно, чтобы продемонстрировать взаимность обязательства между супругами (при отсутствии между ними брачного договора или соглашения о разделе общего имущества). Наиболее ярко, на наш взгляд, это отражается во

взаимодействии супругов по материальному обеспечению и ведению домашнего хозяйства. Один из супругов обеспечивает семью, получает определенный доход и несет обязанность содержания другого супруга, последний же не имеет самостоятельного дохода, поскольку принял на себя перед другим супругом иное обязательство, и это возможно исключительно по взаимному согласию.

Содержание синаллагматического обязательства супругов имеет некоторые особенности в период брака и в случае его расторжения. В частности, законодатель допускает в некоторых случаях исключения из принципа равенства прав супругов в семье. Это запрет для мужа возбуждать дело о расторжении брака при отсутствии согласия на то жены в период ее беременности и в течение года со дня рождения общего ребенка (ст.17 СК РФ), право жены (бывшей жены) требовать выплаты алиментов на свое содержание в случаях, предусмотренных законом (ст.ст.89, 90 СК РФ).

Представляется, что названные исключения обусловлены потребностью в особых средствах охраны и защиты интересов жены (бывшей жены) и интересов общего ребенка супругов, даже еще не родившегося.

Очевидно, в целях обеспечения публичного интереса при единообразии статистического учета установлено и правило в ст.28 Федерального закона «Об актах гражданского состояния»: в качестве общей фамилии супругов может быть записана фамилия одного из супругов или, если иное не предусмотрено законом субъекта РФ, фамилия, образованная посредством присоединения фамилии жены к фамилии мужа», что не является нарушением прав жены.

Безусловно, социальные отношения имеют характер постоянно развивающихся, что приводит к трансформации социальных институтов, в том числе и брака. Содержание супружества, взаимных обязательств супругов определяется исключительно по воле каждого из них и при взаимном согласии. Взаимность является конституирующим признаком брачного союза и обосновывает специфику супружеского обязательства.

На наш взгляд, супружество представляет собой синаллагматическое обязательство супругов, где каждый из них одновременно выступает и должником, и кредитором в отношениях по взаимному осуществлению супружеских прав и обязанностей. Возникает это обязательство одновременно у мужа и жены, и каждый из них обязан к исполнению лишь до того момента, пока возможно надлежащее исполнение встречного требования, то есть пока существует брак.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 16.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС «КонсультантПлюс».
3. Гонгало Б.М. Основные начала семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2006. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса. 1909. С.184-201.
5. Ильина О.Ю. Взаимное согласие и добрая воля мужчины и женщины как условия заключения и основания расторжения брака: правовые аспекты соотношения когнитивной и волевой функции сознания супругов // Психология и право. №4. 2019. С. 120-133.
6. Ильина О.Ю. Меры по примирению супругов в контексте ограничения принципа добровольности брачного союза // Примирительные процедуры в гражданском праве и судопроизводстве. Сборник материалов Международной научно-практической конференции 26–27 апреля 2019 года, Санкт-Петербург. Часть 2 / Под общ. ред. В.П. Очерedyко, А.Н. Кузбагарова, С.Ю. Катуковой / Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». – СПб.: Астерион, 2019. С. 92-97.
7. Кулаков В.В. Принципы семейного права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 // СПС «КонсультантПлюс» и др.
8. Наумов Я.В. Частноправовое регулирование отношений, предшествующих заключению брака. Автореферат дисс. ... канд.юрид.наук. Ульяновск. 2021. С.14.
9. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т.VII . Семейное право России: монография / под общ.ред. докт. юрид. наук, проф. А.А. Демичева; докт. юрид. наук, проф. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2022. С.48-49.
10. Шерстнева Н.С. Понятие, сущность и система принципов семейного права. Монография. М: Юстицинформ. 2006. С.375;
11. Штыков Д.В. Реализация принципа разрешения внутрисемейных вопросов по взаимному согласию в нормах Семейного кодекса РФ // Современное право. 2008. № 9. С.47-50.

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: Ilina.OY@tversu.ru

О НАСЛЕДИИ ТРУДОВ Р.Е. ГУКАСЯНА: ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССОВ

И.А. Крусс

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. В статье рассматриваются особенности арбитражного процесса в сравнении с гражданским процессом. Р.Е. Гукасян в своих трудах высказывался относительно существования параллельной системы правосудия в виде системы арбитражных судов. Установление сущности различий указанных систем осуществления правосудия стало задачей данного исследования.

Ключевые слова: гражданский процесс, арбитражный процесс, компетенция судов, принципы гражданского судопроизводства.

Научные труды Рафаэля Егишевича Гукасяна внесли существенный вклад в науку гражданского процессуального права. Практически ни один из основополагающих выводов, сделанных Р. Е. Гукасяном относительно проблемы интереса, не утратил своего значения, о чем свидетельствует постоянное обращение к его трудам авторов, цитирование его работ. Рафаэль Егишевич подготовил научную школу и его последователи конечно же развивали и продолжают развивать его взгляды, идеи. Он очень много дал своим ученикам.

На базе научных представлений Р.Е. Гукасяна рассмотрим проблему соотношения гражданского и арбитражного процессов. Следует обратить внимание на то, что под редакцией Р.Е. Гукасяна было опубликовано несколько учебных изданий по арбитражному процессу, также он входил в состав авторов ряда комментариев к Арбитражному процессуальному кодексу РФ. То есть проблемы арбитражного процесса несомненно его интересовали. В том числе в аспекте соотношения с гражданским процессом. И хочется отметить, что он не отрицал самостоятельности арбитражного процессуального права как совокупности правовых норм, регулирующих организацию, компетенцию и порядок деятельности арбитражных судов РФ.

Как известно, законодательство об арбитражных судах устанавливает организационные основы построения арбитражных судов, их компетенцию, процессуальное положение участников арбитражного процесса, порядок и условия возбуждения и рассмотрения дел.

В работах Р.Е. Гукасяна и его соавторов недвусмысленно обозначалось самостоятельное место арбитражного процесса. Так, стоит привести в пример следующее мнение: «Представляется правильной позиция тех авторов, которые считают неосновательным включение арбитражного законодательства в состав гражданского процессуального права и

рассматривают арбитражный процесс как самостоятельную процессуальную систему» [1].

Следует указать на то, что присутствие общих институтов, близость процессуальной формы и самого порядка рассмотрения дела не исключает различий между судами общей юрисдикции и гражданскими судами.

Так, арбитражные суды построены как единая система судов, имеющая свою совокупность нормативно-правовых актов. Арбитражный суд имеет обособленное место в системе государственных органов, выполняющих важную государственную функцию – отправление правосудия. Это указывает на существование параллельной системы правосудия наряду с судами общей юрисдикции.

Важным отличием является закрепление за системой экономического правосудия своей компетенции. Дела рассматриваются в особой сфере – в области экономических и других отношений, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, включая и административные правоотношения, возникающие между государственными органами и субъектами предпринимательства.

Стоит также упомянуть о специфике споров, рассматриваемых арбитражными судами, которые принципиально отличаются от дел, разрешаемых в порядке гражданского судопроизводства. На самостоятельность арбитражного процесса указывает и то обстоятельство, что АПК РФ сохраняет до сих пор производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений. В арбитражных судах рассматривается масса налоговых, таможенных споров и споров, связанных с нарушением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Как справедливо, замечается в публикации под редакцией Р.Е. Гукасяна: При разрешении споров об изменении или расторжении договоров арбитражный суд в определенной степени формирует направление и содержание производственно-хозяйственной деятельности не только спорящих организаций, но и многих связанных с ними предприятий. В процессе по каждому такому делу приходится рассматривать не только чисто правовые вопросы, но и вникать во многие технические, финансово-экономические, производственные проблемы, привлекать весьма обширный специальный нормативный материал [2]. От судей арбитражных судов требуется высокая квалификация, глубокое знание законов экономики, а иногда им приходится разбираться в сложных технологических или производственных процессах.

Безусловно, арбитражный процесс построен на принципах, содержание которых мало отличается от основных начал гражданского процесса. Вместе с тем, некоторые принципы раскрывают себя иначе. В качестве примера можно обратиться к содержанию принципов состязательности и диспозитивности. Отзыв на иск – это и право и обязанность ответчика.

Незаблаговременное представление доказательств является основанием для возложения судебных расходов на сторону, нарушившую это правило.

С 1 ноября 2010 г. действует ч. 5 ст. 18 АПК РФ, в соответствии с которой совершение процессуальных действий, не терпящих отлагательств, в том числе принятие искового заявления или заявления и возбуждение производства по делу, рассмотрение заявления об обеспечении иска, отложение судебного разбирательства, одним судьей вместо другого судьи в порядке взаимозаменяемости не является заменой судьи. Таким образом, в указанных случаях один судья за другого судью вправе совершать процессуальное действие без проведения процедуры замены судьи: один судья выносит определение о принятии искового заявления к производству, возбуждает производство по делу, а в судебном заседании дело по существу рассматривает другой судья [3]. Это правило отвечает критерию процессуальной экономии и оперативности.

Деятельность арбитражного суда по сравнению с гражданским судопроизводством значительно меньше формализована. В АПК РФ нет норм, детально регламентирующих порядок ведения заседания, исследование доказательств и т.п. Решение этих и многих других процессуальных вопросов передается на усмотрение суда.

Существенным образом отличается и система пересмотра судебных актов арбитражными судами. Апелляционная инстанция при рассмотрении жалобы пользуется всеми правами, предоставленными арбитражному суду первой инстанции. Речь идет о полной апелляции, как о повторном рассмотрении дела. Выделяются свои особенности и в других видах пересмотра.

В 2014 году были внесены поправки в Конституцию РФ, которыми был упразднен Высший Арбитражный Суд РФ. Вместе с тем, в соответствии с отечественным законодательством система арбитражных судов является на сегодняшний день трехзвенной (суды субъектов, апелляционные и окружные арбитражные суды), то есть ниша ВАС РФ остается не занятой. Полномочия ВАС РФ перешли к Верховному Суду РФ. Это свидетельствует в целом о сохранении системы судов экономического правосудия. Однако хочется заключить, что в деятельности ВАС РФ особое значение всегда приобретала функция руководства всеми арбитражными судами и обеспечение единства арбитражной практики. В современных условиях такое важное звено утрачено. Хорошо это или плохо – можно поспорить, но с чем, наверное, стоит согласиться, что характер и содержание выполняемых арбитражными судами задач и функций свидетельствуют об их исключительно важной роли в механизме функционирования экономики России. Таким образом, сравнительный анализ арбитражного и гражданского процессуального законодательства обнаруживает такие особенности в организации и порядке деятельности арбитражных судов, которые исключают возможность их объединения с

судами общей юрисдикции и включения арбитражно-процессуальных норм права в систему гражданско-процессуального права под эгидой единой отрасли права.

Список литературы

1. Арбитражный процесс: Учебное пособие / Под ред. Р.Е.Гукасяна и В.Ф.Тараненко//https://nashaucheba.ru/v56142/%D0%B3%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%81%D1%8F%D0%BD_%D1%80.%D0%B1._%D0%B8_%D0%B4%D1%80._%D0%B0%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81. Дата обращения 06.07.2022.

2. Арбитражный процесс: Учебное пособие / Под ред. Р.Е.Гукасяна и В.Ф.Тараненко//https://nashaucheba.ru/v56142/%D0%B3%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%81%D1%8F%D0%BD_%D1%80.%D0%B1._%D0%B8_%D0%B4%D1%80._%D0%B0%D1%80%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%86%D0%B5%D1%81%D1%81. Дата обращения 06.07.2022.

3. Крусс И.А. К вопросу о составе арбитражного суда // Вестник ТвГУ. Серия «Право».2016. № 4. С. 59.

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна - кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Kruss.IA@tversu.ru, ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400

КОНТРТЕРРОРИСТИЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ: НОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Т.В. Кувырченкова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В.В. Черевко

Институт управления и комплексной безопасности (ИУиКБ) академии
ГПС МЧС России, ФГБОУ ВО «Государственный университет
управления»

Аннотация. В статье проанализированы особенности проведения контртеррористических операций на территории Российской Федерации; рассмотрены некоторые международные антитеррористические организации, международные источники о противодействии терроризму. Тема актуальна в связи с современными реалиями (проведение специальной операции на территории Украины), требующими усовершенствование российского чрезвычайного законодательства, потребностью соразмерного реагирования на террористические угрозы с целью обеспечения безопасности граждан, объектов инфраструктуры и государства в целом

Ключевые слова: контртеррористическая операция, административно-правовой режим, уровни террористической опасности, незаконные вооруженные формирования, ограничение прав и свобод, Всеобъемлющая конвенция о международном терроризме, антитеррористические органы и организации ООН

Терроризм – это идеология насилия, связанная с устрашением, запугиванием населения, направленная на достижение политических, экономических и религиозных целей. В Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» терроризм определен, как идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [1]. Борьба с терроризмом ведется постоянно, не теряет своей актуальности и сегодня. Противодействие терроризму предполагает использование различных способов, одним из которых является «контртеррористическая операция».

Этот комплекс специальных мероприятий применялся в Российской Федерации еще в 90-е годы. Начиная с 1999 г. на территории Чеченской республики был бессрочно введен режим контртеррористической операции, а все специальные, оперативно-боевые, войсковые и иные мероприятия проходили в рамках так называемой «контртеррористической операции», законодательно не определенной.

Только 6 марта 2006 г. был принят Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», закрепивший ранее использованную терминологию «контртеррористическая операция», применяемую в вооруженном конфликте на территории Чеченской республики в конце 1990-х начале 2000-х годов. Федеральный закон «О противодействии терроризму» определил «режим контртеррористической операции» и термин «контртеррористическая операция», под которой понимается «комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению террористического акта, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических лиц, организаций и учреждений, а также по минимизации последствий террористического акта» [1]. Режим контртеррористической операции на территории Чеченского региона был отменен только в 2009 г.

Также с 1999 г. в нескольких субъектах действует Объединенная группировка войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации в целях объединения усилий федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов по проведению контртеррористических операций, а также повышения эффективности деятельности, направленной на уничтожение незаконных вооруженных формирований на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации [2].

За этот период времени периодически, при необходимости на некоторой части подконтрольных субъектов вводился режим контртеррористической операции, что позволяло в сжатые сроки пресечь террористический акт и обезвредить террористов. Например, по данным Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации с 2016 г. по 2019 г. было проведено около 5000 таких мероприятий и ликвидировано 216 боевиков, членов незаконных вооруженных формирований [5], цель организаций которых – террористические акты, как определял Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

Кроме этого, в Постановлении в пункте 23 указывается следующее: под незаконным вооруженным формированием в статье 208 УК РФ следует понимать не предусмотренные федеральным законом объединение, отряд, дружину или иную вооруженную группу, созданные для реализации определенных целей (например, для совершения террористических актов, насильственного изменения основ конституционного строя или нарушения территориальной целостности Российской Федерации). Вооруженность как обязательный признак незаконного формирования предполагает наличие у

его участников любого вида огнестрельного или иного оружия, боеприпасов и взрывных устройств, в том числе кустарного производства, а также боевой техники [4]. Таким образом, хотя цель создания незаконных вооруженных формирований все-таки не совершение преступных действий, а политические изменения в стране, спорный вопрос был окончательно разрешен разъяснениями судебного источника.

Контртеррористические операции проводятся на Северном Кавказе до сих пор. Так, в мае 2022 г. было принято решение о проведении контртеррористической операции на территории Ленинского района Махачкалы Республики Дагестан после получения информации о скрывающихся в этом районе вооруженных бандитах, намеревающихся совершить теракт на одном из объектов энергетики. В указанном районе был введен соответствующих административно-правовой режим [5].

Страны Европейского союза также имеют опыт объединения усилий полицейского спецназа ATLAS Network, специализирующегося на «кризисных ситуациях». Указанное объединение было создано после террористических актов 11 сентября 2001 г. Под «кризисной ситуацией» понимаются в том числе и случаи борьбы с террористами.

На тридцать третьем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ был принят Модельный закон «О противодействии терроризму» (постановление № 33-18 от 3 декабря 2009 г.). В указанном международном источнике дается определение контртеррористической операции, под которой понимается - комплекс специальных, оперативно-боевых, войсковых и иных мероприятий с применением боевой техники, оружия и специальных средств по пресечению акта терроризма, обезвреживанию террористов, обеспечению безопасности физических и юридических лиц, а также по минимизации последствий акта терроризма [6].

Что касается международного сообщества, то до настоящего времени на повестке дня стоит вопрос принятия Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме. Этот международный договор должен определить все формы международного терроризма. В связи с разногласиями по ряду ключевых позиций Всеобъемлющая конвенция до сих пор не принята.

8 сентября 2006 г. государствами-членами Организации Объединенных Наций была принята Глобальная контртеррористическая стратегия ООН в виде резолюции и содержащейся в ней в приложении Плана действий ([A/RES/60/288](#)). Раз в два года Генеральная Ассамблея ООН проводит Обзор Стратегии, в котором она учитывает приоритетные направления в области борьбы с терроризмом.

В Глобальной контртеррористической стратегии выделены следующие направления действий:

- меры по устранению условий, способствующих распространению терроризма;
- меры по предотвращению терроризма и борьбе с ним;
- меры по укреплению потенциала государств по предотвращению терроризма и борьбе с ним и укреплению роли системы Организации Объединенных Наций в этой области;
- меры по обеспечению всеобщего уважения прав человека и верховенства права в качестве фундаментальной основы для борьбы с терроризмом [7].

Этот значимый документ объединил усилия государств-членов ООН в противостоянии с терроризмом и позволил им выработать единый стратегический подход в этой борьбе.

В июне 2017 г. систему антитеррористических органов и организаций ООН возглавило Контртеррористическое управление ООН. Цель создания управления заключалась в оказании государствам-членам ООН необходимой политической поддержки, обеспечение информацией по Глобальной контртеррористической стратегии ООН и при необходимости предоставление технической помощи по всем четырем направлениям, указанным в Плане к Стратегии [7].

Следовательно, в мире в рамках различных международных организаций также предпринимаются шаги по противодействию терроризму и одними из способов такой борьбы является создание антитеррористических органов и проведение контртеррористических операций. Поэтому ряд авторов предлагает в международные нормы включить правила, регулирующие вопросы проведения международных контртеррористических операций, а в текст разрабатываемой Всеобъемлющей конвенции о международном терроризме определение понятия «контртеррористическая операция» [9]. Что касается обоснованного опасения участия военных подразделений в контртеррористических операциях, то согласимся с Н.А. Чернядьевой, что их привлечение необходимо только в острой кризисной фазе [9]. Хотя в Российской Федерации созданная Объединенная группировка войск (сил) по проведению контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации предполагает использование в том числе возможностей вооруженных сил России для пресечения террористического акта и обезвреживания террористов. В Статье 15 федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» указано, что «В состав группировки сил и средств могут включаться подразделения, воинские части и соединения Вооруженных Сил Российской Федерации, подразделения федеральных органов исполнительной власти, ведающих вопросами безопасности, обороны, внутренних дел, обеспечения деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, юстиции, гражданской обороны, защиты населения и территорий от

чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах, других федеральных органов исполнительной власти и федеральных государственных органов, а также подразделения органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [1].

В новых реалиях, в связи с проведением специальной операции Российской Федерации на территории Украины вопрос введения административно-правового режима контртеррористической операции особенно актуален. Это связано с определенными угрозами террористического характера на территориях субъектов, примыкающих к границе с Украиной. В этих регионах (Белгородская, Курская, Брянская области, двух районах Воронежской области, на севере полуострова Крым) были введены высокие уровни террористической опасности. Населению указанных областей было рекомендовано избегать места массового скопления людей, всегда носить с собой документы и предъявлять их по первому требованию сотрудников правоохранительных органов и т.д. В Белгородской области губернатором было принято решение о запрете запуска фейерверков [10].

Установление соответствующего уровня террористической опасности не предполагает, как указано в пункте 12 Указа Президента РФ от 14.06.2012 № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» ограничения прав и свобод граждан – «Меры... не должны ограничивать права и свободы человека и гражданина» [3]. Они принимаются в целях своевременного информирования населения о возникновении угрозы террористического акта и организации деятельности по противодействию его совершению. В статье 5.1 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», регламентирующей полномочия высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, также не указана возможность ограничения прав и свобод граждан в связи с угрозой террористических актов [1].

Но ситуация, сложившаяся в настоящее время в ряде приграничных территорий, требует принятия более жестких предупредительных мер, в том числе и ограничений некоторых прав и свобод населения с целью их безопасности, что подтверждают факты уничтожения ряда объектов инфраструктуры, жилья, гибели, причинения вреда здоровью мирных жителей [11]. Это возможно только в рамках определенного административно-правового режима.

Для предупреждения и пресечения возможных террористических актов необходимо установления особого административно-правового режима. Законодательно урегулированы такие экстраординарные режимы: контртеррористическая операция, чрезвычайное положение, чрезвычайная ситуация и военное положение. В 2008 г. в своем диссертационном

исследовании Р.Н. Слепцов применительно к указанной ситуации предлагал устанавливать «режим террористической опасности» сроком действия 60 суток. Цель его установления – предупреждение, пресечение и расследование преступлений террористического характера. Этот административно-правовой режим он определял как предчрезвычайный. Если же в рамках этого режима невозможно разрешить кризисную ситуацию социально-политического характера, то необходимо введение уже режима чрезвычайного положения [8]. Предложения достаточно спорные, дискуссионные, но можно однозначно утверждать, что в существующих сейчас условиях на территориях, граничащих с Украиной, требуется установление именно режимных ограничений прав и свобод граждан и расширение полномочий ряда органов государственной власти для защиты интересов общества, конкретных жителей указанных выше регионов и безопасности государства.

Таким образом, реальная ситуация, сложившаяся в ряде приграничных субъектах Российской Федерации, связанная с проведением спецоперации на территории Украины, предполагает применение пропорциональных мер реагирования, которые полагаем должны применяться в рамках введенных административно-правовых режимов. Необходимо внести изменение в законодательство, расширив рамки режима контртеррористической операции, установив возможность законного ограничения некоторых прав граждан в случаях серьезной террористической опасности.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. // Рос. газ. 2006. 10 марта. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.06.2022).
2. Указ Президента РФ от 23.09.1999 № 1255с «О мерах по повышению эффективности контртеррористических операций на территории Северо-Кавказского региона Российской Федерации» // Рос. газ. № 59. 03.04.2002. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.06.2022).
3. Указ Президента РФ от 14.06.2012 № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» // Собрание законодательства РФ. 18.06.2012. № 25. ст. 3315 СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.06.2022).
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Рос. газ. № 35. 17.02.2012. СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 01.06.2022).
5. Официальный интернет-сайт Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://rosguard.gov.ru/> (дата обращения 01.06.2022).
6. Сайт Антитеррористического центра государств-участников Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cisatc.org/135/154/249> (дата обращения 01.06.2022).

7. Сайт Контртеррористического управления ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/504/90/PDF/N0550490.pdf?OpenElement> (дата обращения 01.06.2022).

8. Слепцов Р.Н. Административно-правовой режим на территории (объекте) проведения контртеррористической операции: автореф. на соиск. ученой степ. канд. юрид. наук. 12 00.14 - административное право, финансовое право, информационное право. М. 2008. 23 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/organizatsiya-pravookhranitelnoi-deyatelnosti-po-vozmeshcheniyu-vreda-prichinennogo-terroriz/read> (дата обращения 01.06.2022).

9. Чернядзева Н.А. Современное состояние и тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом: дис...д-ра. юрид. наук: 12.00.10: М.. 2018. 533 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://msal.ru/upload/main/00disser/2016/Chernyadeva/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%A7%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8F%D0%B4%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9.pdf> (дата обращения 01.06.2022).

10. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202204110009> (дата обращения 01.06.2022).

11. Коммерсантъ. Военная операция на Украине [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5348515?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 01.06.2022).

Об авторах:

КУВЫРЧЕНКОВА Татьяна Владимировна - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ТвГУ, e-mail: kuvirchenkova@rambler.ru

ЧЕРЕВКО Владимир Владимирович - кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой судебной экспертизы Института управления и комплексной безопасности (ИУиКБ) академии ГПС МЧС России, доцент кафедры публичного права и правового обеспечения управления ГУУ e-mail: Cherevkovv@bk.ru

ПРАВОВАЯ КОНСТРУКЦИЯ НАЛОГОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Сухарев

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. В статье обозначены основные подходы в построении налогового законодательства Российской Федерации, которые определяют его правовые конструкции. Рассмотрена статистика изменения Налогового кодекса РФ и вопросы юридической техники его построения.

Ключевые слова: налог, сбор, взнос, налогообложение, правовые конструкции, юридическая техника, налоговый учет, налоговые режимы

Налоговый кодекс РФ с момента его ввода в силу претерпел значительные изменения. Сегодня он включает в себя две части, 14 разделов, 59 глав и 725 статей. Налоговый кодекс РФ заканчивается последней 432 статьей, но включает в себя дополнительно 331 «врезанных» статей и 38 «основных» статей (не «врезанных»), которые к настоящему времени отменены. «Врезанные» статьи можно подразделить на:

1) «врезанные» статьи первого порядка – статья или группа статей, включенные в текст Кодекса между двумя «основными» статьями. Нумерация статей производится через точку. Например, между статьями 24 и 25 включены дополнительные две статьи 24.1 и 24.2. Всего в Налоговом кодексе РФ содержится 266 «врезанных» статей первого порядка. Максимальный порядковый номер статьи через точку содержит статья 333.56. Это означает, что между статьями 333 и 334 дополнительно включено 56 статей.

2) «врезанные» статьи второго порядка – статьи «врезанные» между ранее «врезанными» статьями. Например, между статьями 333.32 и 333.33 дополнительно принято еще четыре статьи: 333.32.1–333.32.4. Сегодня в Налоговом кодексе РФ содержится 65 «врезанных» статей второго порядка, которые по обозначения второй «врезки» можно подразделить на двое:

а) «врезанные» через точку – например, статья 333.32.1. Всего в Налоговом кодексе РФ 53 таких «врезки».

б) «врезанные» через дефис – например, статья 105.16-1 или 105.16-6. В Налоговом кодексе РФ сегодня 12 таких «врезок»².

Разделение «врезок» второго порядка в Налоговом кодексе РФ не имеет под собой какого-либо логического обоснования или

² По: расчет автора.

юридического смысла и обусловлено, вероятно, изменением во времени подходов в нумерации «врезок» второго порядка.

Налоговый кодекс РФ содержит максимальное числовое значение главы под номером 34, из которых две главы (24 и 27) утратили силу. Дополнительно было «врезано» 27 глав, из которых одна глава имеет «врезку» второго порядка (Глава 14.4-1). Максимальный номер разделов в Кодексе равен XI. В Кодекс дополнительно были добавлены разделы V.1, VII.1 и VII.1.

Отметим, что при «врезке» главы, все ее статьи автоматически будут иметь характер «врезанных» статей и нумероваться через точку, а глава с «врезкой» второго порядка будет иметь нумерацию статей также в виде «врезки» второго порядка. Так, глава 14.4-1 имеет пять глав с нумерацией от 105.16-1 по 105.16-6, так как они «врезаны» между главами 14.4 и 14.5 и статьи «врезанными» оказываются между статьями 105.16 и 105.17. Аналогично обстоит и с «врезанными» разделами Кодекса. Главы, содержащиеся во врезанных разделах, также являются «врезанными» и поэтому имеют нумерацию первого порядка «врезки» через точку.

Правовую конструкцию налогового законодательства РФ образуют следующие структурные элементы.

Первое. Отнесения налогового законодательства к публичному праву, что требует от него использования специфических, присущих налоговому праву подходов и конструкций [См.: 4-6]. Не смотря на асимметрию субъектов в публичных правовых отношениях, между администраторами и плательщиками налогов и сборов должен существовать баланс прав и обязанностей такой, чтобы первые не выходили за пределы добросовестного поведения, а последние – несли действительную, а не мнимую, определяемую налоговыми органами, фискальную обязанность. Баланс прав и обязанностей в налоговых правоотношениях будет отличаться от такового в гражданско-правовых отношениях, где он носит характер простого равенства. В налоговых правоотношениях – это не механическое, а некое динамическое равновесие, которое должно быть реализовано в целях достижения целей налоговой политики, воплощенной в налоговом законодательстве. По мнению автора, необходимо развитие теории баланса прав и обязанностей в налоговых правоотношениях и совершенствования на этой основе налогового законодательства в России.

Второе. Налоговый кодекс РФ как высший юридический акт в области налогообложения в Российской Федерации, регулирующий уплаты налогов и сборов. Нормативное правовое регулирование налогов, сборов и страховых взносов в России осуществляется на уровне Федерации, ее субъектов и муниципальных образований. Соответственно понятию «налоговое законодательство» могут соответствовать нормативные правовые акты, принимаемые только на уровне Федерации

и ее субъектов, так как на уровне муниципальных образований нормативно правовые акты не имеют юридической природы законов.

Налоговое законодательство России включает в себя кроме Налогового кодекса РФ, федеральные законы и законы субъектов Российской Федерации о налогах.

Третье. Налоговый кодекс РФ вводит понятие налога, сбора и страхового вноса – три юридические конструкции. В связи с этим, понятие «налоговое законодательство» можно рассматривать в узком и широком планах. В узком плане под ним следует понимать законодательство о налогах, а в широком – кроме того и о сборах и взносах на социальное страхование, с экономической точки зрения, носящих тот же фискальный характер и в силу этого, которые также следует считать налогом. В правовой конструкции законодательства налог, сборы и страховые взносы принято различать в силу определенных особенностей последних. Учитывая, что наименование Кодекса, регулирующего налоги, сборы и страховые взносы в Российской Федерации включает только слово «налоговый», без указания на слова «сборы» и «взносы», то под понятием «налоговое законодательство» можно понимать законодательство о налогах, сборах и страховых взносах.

Отметим, что таможенные пошлины (ввозные и вывозные), являясь по своей экономической природе налогом, в юридическом отношении, таковыми не являются. Они определяются в виде обязательного платежа, который является необходимым условием для ввоза товаров на таможенную территорию или вывоза их с нее.

Администрирование налогов в России возложено не только на ФНС РФ, но и на ФТС РФ. Участники внешнеэкономической деятельности уплачивают таможенные платежи, в состав которых входят также НДС и акцизы, которые уплачиваются на счет ФТС РФ, открытом в Федеральном Казначействе. Их уплата производится на основании регулируемых детализированных положений таможенного законодательства – Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [3].

Четвертое. В налоговом законодательстве России можно выделить три группы лиц, для каждой из которых соответствуют свои налоговые правовые конструкции, обусловлены разным составом уплачиваемых налогов, сборов и взносов. К ним относятся юридические лица, физические лица (не являющиеся индивидуальными предпринимателями) и физические лица – индивидуальные предприниматели. Так, например, физические лица, включая индивидуальных предпринимателей, не являются плательщиками налога на прибыль организаций, налога на имущество организаций и проч. Уплата налогов при использовании упрощенной системы налогообложения будет различаться для организаций и индивидуальных предпринимателей.

Пятое. Возможность использования общей системы налогообложения и специальных налоговых режимов, что формирует разные правовые конструкции. «По умолчанию» у лица возникает обязанность уплаты налогов и сборов по общей системе налогообложения, если им не заявлено право уплаты налогов и сборов с использованием специального налогового режима, являющегося более льготной формой налогообложения (упрощенная система налогообложения, единый сельскохозяйственный налог, налог на профессиональный доход и др.).

Шестое. Налоговое законодательство Российской Федерации содержит правовые конструкции налогового учета, который принято отделять от бухгалтерского учета. Налоговый учет предназначен учета хозяйственных операций в целях расчета налога на прибыль организаций при использовании общей системы налогообложения или налога, уплачиваемого при применении специальных режимов налогообложения. Ст. 265 НК РФ регулирует налоговый учет, который ведут организации, являющиеся плательщиками налога на прибыль организаций. Данная статья включена главу 25, устанавливающей налогообложение организаций по прибыли.

Необходимо учитывать, что юридические лица в Российской Федерации обязаны вести бухгалтерский учет (Ст. 1 и Ст. 6 Федерального закона «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ) и налоговый учет (Ст. 313 НК РФ). Налоговый учет осуществляется в соответствии с НК РФ, а бухгалтерский учет – в соответствии с Федеральным законом «О бухгалтерском учете», положениями по бухгалтерскому учету (ПБУ), федеральными стандартами бухгалтерского учета (ФСБУ). Налогоплательщики обязаны вести учет доходов и расходов для целей исчисления налоговой базы по налогу в книге учета доходов и расходов организаций, применяющих упрощенную систему налогообложения, форма и порядок заполнения которой утверждаются Министерством финансов Российской Федерации (346.24 НК РФ). Аналогичное предусмотрено и для общей системы налогообложения (ст. 313 НК РФ).

Седьмое. Юридическая техника определяет как общее построение налогового законодательства, так и совокупность, и способы построения смысловых конструкций. В Налоговом кодексе РФ можно выделить общую часть, посвященную вопросам построения налогового законодательства в целом, включая основные начала налогового законодательства, полномочия налоговых органов и проч., так и специальную часть, регулирующую применение каждого установленного налога, сбора или взносов на социальное страхование. Формальное деление Налогового кодекса РФ в виде принятия отдельных его частей не соответствует его логическому делению на части. Первая часть Кодекса была принята в 1998 г. и включает в себя, в том числе, кроме общих начал

и вопросов налогового законодательства и нормативное правовое регулирование расчета и уплаты отдельных налогов [1]. В 2000 г. была принята вторая часть Налогового кодекса РФ, расширивший перечень фискальных платежей, регулирующих Налоговым кодексом РФ [2].

Юридическая техника налогового законодательства в определенном роде детерминируется методологией построения конструкции налогов, сборов и взносов. Каждый из них имеет следующие элементы: налогоплательщики, объект налогообложения, налоговая база, налоговый период, налоговая ставка, порядок исчисления налога, порядок и сроки уплаты налога (ст. 17 НК РФ). Соответственно конструкция каждого налога и сбора обязательно должна включать все эти элементы, что обнаруживает однородность налогового законодательства в рамках глав, посвященных отдельным налогам, сборам и взносам.

Одна из особенностей юридической техники налогового законодательства состоит в сложности построения формулировок. Отдельные предложения могут включать до несколько сотен слов, в которых встречается много придаточных предложений, стоящих в родительных падежах. Такие конструкции предложений сложно воспринимаются и порой вызывают неоднозначное толкование, что затрудняет применение налогового законодательства. По мнению автора, сложность юридических конструкций не является оправданным и необходимо упрощение формулировок, в том числе и за счет включения в текст закона большего количества формул и представления смысла положений в табличной форме и с использованием иных средств визуализации.

Подытоживая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Правовые конструкции налогового законодательства определяются спецификой общественных отношений в сфере налогообложения. Налоговое законодательство имеет сложную юридическую технику, которая не оправданно сложна и требует упрощения, путем поиска и использования иных, включая качественно новых, юридико-логических приемов.

Список литературы

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп.).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 19 июля 2000 г. № 118-ФЗ (с изм. и доп.).
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: принят на основании Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. Ратифицирован федеральным законом от 14 ноября 2017 г. № 317-ФЗ.
4. Васильева Е.Г. Анализ содержания налогово-правовых конструкций с использованием оценочных понятий // Журнал юридических исследований. 2016. Т. 1. № 3. С. 9.

5. Васильева Е.Г. Гражданско-правовые конструкции как источники формирования налогово-правовых институтов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 6 (22). С. 126–131.

6. Володина Н.В. Некоторые особенности теоретических и конституционно-правовых основ налогообложения в Российской Федерации // Современное право. 2016. № 3. С. 60-64.

Об авторе:

СУХАРЕВ Александр Николаевич – доктор экономических наук, профессор кафедры конституционного, административного и таможенного права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 2416-1054, mail: su500005@yandex.ru.

e-mail: su500005@yandex.ru

ЕДИНСТВО И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРЕСА

Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. В статье поставлена проблема необходимости разделения процессуального статуса прокурора на случаи, когда он обращается в суд для защиты личных интересов конкретного субъекта и одновременно общественного интереса, и случаи, когда предметом судебной защиты выступает только общественный интерес. Одновременно обращено внимание на необходимость унификации положения прокурора во всех цивилистических процессах.

Ключевые слова: прокурор, процессуальный статус, цивилистический процесс, личный интерес, общественный интерес.

Участие прокурора в цивилистическом процессе (здесь и далее это понятие используется как обобщенное для гражданского и арбитражного процесса, а также административного судопроизводства) является предметом дискуссии с конца прошлого века, когда началась разработка новых процессуальных кодексов и за основу был принят принцип состязательности. Проблема влияния участия прокурора на принципы состязательности и процессуального равноправия по действующему законодательству было предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ и Европейском Суде по правам человека. Оба судебных органа признали, что статус прокурора не нарушает равноправия сторон в процессе и принцип состязательности.

Исследованию процессуального положения прокурора посвящено значительное число научных исследований, но, как представляется, вопрос об особенностях статуса прокурора в цивилистическом процессе не получил окончательного разрешения. Изначально участие прокурора в гражданском процессе рассматривалось как необходимость вмешательства государства в частноправовые вопросы, а Р.Е. Гукасян, исследуя проблему интереса в гражданском процессе еще в конце шестидесятых годов прошлого века, обосновал, что участие прокурора является проявлением принципа активной помощи в защите права, и при этом предвидел, что будет постепенное изменение соотношения принципов активной помощи и диспозитивности в сторону последнего [1, с. 92–94].

Обсуждение нового гражданского процессуального кодекса официально началось с создания рабочей группы в 1993 г. и основной задачей было изменить процесс в сторону укрепления принципов состязательности и диспозитивности с соответствующим изменением роли

суда и содержания принципа активной помощи в защите права. Это повлияло и на изменение роли и значения участия прокурора в суде. В первоначальной концепции кодекса даже не было статьи, посвященной прокурору, а он только упоминался в составе лиц, участвующих в деле [2, с. 37]. Ключевым моментом в определении процессуального положения прокурора стало закрепление судебной власти и исключение надзора прокуратуры за судом. В связи с этим в одном из вариантов проекта гражданского процессуального кодекса вообще не была предусмотрена такая форма участия прокурора в процессе, как дача заключения по делу, но это право было сохранено для государственных органов и органов местного самоуправления [2, с. 295–296]. В обсуждении проекта гражданского процессуального кодекса участвовали многие представители науки и практики, предложения относительно процессуального положения прокурора были самые разные, вплоть до достаточно радикальных, например, таких, как поступившие от Амурского областного суда: «прокурор может участвовать в гражданском процессе лишь только как сторона в деле или как представитель заранее определенной стороны» [2, с. 254]. Но постепенно все позиции были оптимизированы, и принятый в 2002 г. Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее – ГПК РФ) закрепил две традиционные формы участия прокурора в процессе: возбуждение дела и дача заключения по делу, устранил правила, нарушающие принципы равноправия, состязательности и диспозитивности, а также два возможных варианта обращения в суд: в защиту прав и интересов конкретного лица или неопределенного круга лиц и государственных и общественных интересов.

Возбуждение дела прокурором в защиту интересов конкретного лица первоначально предполагало обязательно просьбу этого лица, в дальнейшем были внесены изменения и установлен перечень дел, по которым прокурор мог обратиться в суд независимо от наличия просьбы самого лица. Это правило в определенной степени соответствует тому, о чем писал Р.Е. Гукасян: «Защита интересов лица не ставится в полную зависимость от его воли. В исключительных случаях интересы лица защищаются помимо и даже вопреки его воле. Так обстоит дело, когда воля лица противоречит его интересам, когда нарушается единство воли и интереса» [1, с. 92]. Таким образом, прокурор получил право обращаться в суд в защиту прав конкретного лица во всех случаях, когда личный интерес гражданина совпадает с общественным, что очень важно для понимания роли и значения участия прокурора в гражданском процессе. И еще один важный вывод Р.Е. Гукасяна, который не только не утратил своей актуальности, а представляется исключительно важным на современном этапе: «государство не может защищать личный интерес, идущий вразрез с государственным (общественным) интересом» [1, с. 92]. Это означает, что даже если лицо обращается к прокурору, но его личный интерес

противоречит общественному, прокурор должен отказаться от возбуждения такого дела.

Действующий ГПК РФ в ст. 45 предусматривает возможность возбуждения прокурором дела в защиту неопределенного круга лиц, аналогичное правило закреплено в ст. 39 Кодекса административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ). Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) в ст. 52 не использует понятие «неопределенный круг лиц», но перечень категорий дел в этой статье как раз и предполагает, что все эти случаи направлены на защиту государственных и общественных интересов и, соответственно, неопределенного круга лиц.

Сопоставление норм трех процессуальных кодексов позволяет сделать вывод о том, что обращение прокурора в суд представляет два самостоятельных вида: обращение в защиту прав конкретного лица, когда совпадает личный и общественный или государственный интерес, и обращение в суд исключительно для защиты общественного или государственного интереса. Хотя АПК РФ не предусматривает права прокурора предъявить иск в защиту конкретного субъекта предпринимательской деятельности, что только подтверждает вывод о самостоятельном характере названных видов. Этот вопрос изначально привлекал внимание ученых-процессуалистов, так, Р.Е. Гукасян писал: «Лишь только в тех редких случаях, когда прокурор предъявляет иски о признании сделок недействительными, можно признать, что прокурор действует как истец» [1, с. 56]. Таким образом подчеркивался особый статус прокурора в делах, где не было конкретного истца, а защите подлежал государственный (общественный) интерес. В связи с этим длительное время аргументировалось предложение о введении такого субъекта, как «процессуальный истец» для определения положения прокурора и госорганов, которые могли обратиться в суд. Законодателем не было поддержано это предложение, и нет необходимости дополнительно аргументировать его нецелесообразность.

Очевидное различие процессуальных ситуаций, когда прокурор обращается в суд в защиту неопределенного круга лиц и конкретного субъекта, требует соответствующего процессуального решения. Прежде всего, это касается процессуальных прав и обязанностей прокурора. Данный вопрос все цивилистические кодексы решают путем отсылки к правам и обязанностям истца, но если ГПК РФ и КАС РФ содержат оговорку, что прокурор не несет судебных расходов и не может участвовать в примирительных процедурах, то в АПК РФ такой оговорки нет. Возникает вопрос: это пробел юридической техники в АПК РФ или имеется определенный смысл? Как представляется, судебные расходы прокурор не должен нести независимо от процесса и вида иска. А вот возможность участия прокурора в примирительных процедурах, когда он возбуждает

дело в защиту неопределенного круга лиц и общественных интересов, не просто реальна, даже необходима при определенных обстоятельствах. Такое станет возможным, если будут законодательно закреплены два самостоятельных вида возбуждения дела прокурором как в гражданском процессе, так и в административном судопроизводстве. Это должно стать самостоятельной формой участия прокурора в процессе наряду с дачей заключения по делу. Необходимы и соответствующие изменения в законодательство о прокуратуре. Такое разграничение положительно повлияет и на ход судебного разбирательства в целом. Дополнительно следует уточнить и требования к форме и содержанию заявлений, раз нет конкретного лица, должны быть иные сведения. Необходимость выделения особой формы возбуждения прокурором дела в суде обусловлена тем, что теперь таких дел очень много, особенно в административном судопроизводстве, где прокурор – иногда практически единственное лицо, которое может обратиться в суд. Судебный процесс должен максимально исключать случаи аналогии, поскольку это в большей степени императивное, а не диспозитивное регулирование.

Рассматривая вопрос о процессуальном статусе прокурора в цивилистическом процессе, следует обратить внимание и на необходимость унификации процессуальных норм. Эта унификация не должна затрагивать сущностные особенности процесса, и, следовательно, не надо включать в ст. 52 АПК РФ правило о предъявлении прокурором иска в защиту прав конкретного лица, хотя таковым и могут быть государственные и муниципальные предприятия, но это защита государственного и общественного интереса, а вот в ч. 5 этой статьи можно внести дополнение, что прокурор в интересах законности дает заключение по делу.

Соответствующие статьи об участии прокурора в ГПК РФ и КАС РФ, безусловно, не могут быть идентичными с учетом разницы в предметах судебной защиты, но этим трудно объяснить различия в установленных последствиях отказа прокурора от иска. Совершенно непонятно, почему в административном судопроизводстве нельзя продолжить рассмотрение дела при отказе прокурора от иска, если само лицо будет настаивать на рассмотрении дела, а именно это следует из буквального текста ч. 6 ст. 39 КАС РФ. Вопрос, связанный с отказом прокурора от заявленного иска, так или иначе во всех кодексах решается, исходя из позиции самого заинтересованного лица, но не предусмотрено решение этого для тех случаев, когда «за спиной прокурора нет другого лица».

Р.Е. Гукасян в своих трудах заложил основу современного понимания судебной защиты на основе проблемы интереса. Только с этих позиций возможно определить процессуальный статус прокурора в его единстве, обеспеченном служебным интересом, и различии форм участия в процессе в зависимости от того, какой интерес подлежит судебной защите.

Список литературы

1. Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. М.: Проспект, 2008. 480 с.
2. Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, варианты проектов ГПК, новый ГПК РФ) / Под ред. М.К. Треушникова. М.: ОАО «Издательский дом “Городец”». 2004. 1024 с.

Об авторе:

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735), профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: gpipd@tversu.ru

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В НАУЧНЫХ ТРУДАХ Р.Е. ГУКАСЯНА

А.С. Федина

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. В статье анализируются научные размышления Р.Е. Гукасяна о принципах гражданского процессуального права, о роли суда и прокурора в гражданском процессе, которые не теряют своей актуальности и могут быть использованы в ходе реформирования современного гражданского процесса.

Ключевые слова: *принципы, гражданский процесс, диспозитивность, суд, прокурор.*

«Автор продолжает жить в произведениях, ученый – в открытиях» [17, с. 4]. Трудно назвать какую-либо область исследований в рамках науки гражданского процесса, для которой были бы не значимы научные выводы Р.Е. Гукасяна. Предмет научных изысканий Рафаэля Егишовича весьма обширен: интерес в гражданском процессе, роль суда и прокурора, принципы гражданского процесса, соглашение сторон в гражданском процессе и др. – проблемы, не утратившие актуальности и сегодня. Однако, значение Р.Е. Гукасяна для науки гражданского процессуального права определила, прежде всего, его диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве».

В ней Р.Е. Гукасян заложил основы современного понимания диспозитивной модели гражданского судопроизводства, связав ее с интересом и волей участников в гражданском процессе. Известно, что реализация диспозитивных усмотрений существенно влияет на развитие процесса. По мнению ученого, предпосылкой диспозитивного волеизъявления является обусловленность воли интересом [8, С. 16, 25 – 31, 40 – 47, 65 - 77, 95]. В современном гражданском процессе это проявляется в следующем.

Во-первых, большинство гражданских дел в судах возбуждается по заявлениям материально (лично) заинтересованных лиц (ч. 1 ст. 4 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ)) [1]. Так, в 2021 г. мировыми судьями и районными судами было рассмотрено 23 384 308 гражданских дел. В этом количестве число дел искового производства составило – 4 512 491. Из них, по заявлениям прокурора было возбуждено лишь 318 552 дела [3]. Последняя цифра свидетельствует о том, что основным инициатором возбуждения деятельности суда по рассмотрению гражданско-правовых споров выступает материально (лично) заинтересованное лицо, что соответствует

принципу диспозитивности и римскому правилу «без истца, нет суда». Приводимые данные судебной статистики по числу дел, возбуждаемых на основании обращения прокурора, свидетельствуют о том, что роль прокурора в современном гражданском процессе России носит исключительный характер и не является доминирующей [4].

Во-вторых, те дела, иски по которым предъявляются прокурорами и другими органами, имеющими право на выступление в защиту интересов других лиц, возбуждаются в случаях, предусмотренных ГПК РФ и другими федеральными законами, и как правило, по инициативе материально (лично) заинтересованного лица, обращающихся с заявлением в эти органы (ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46, ч. 3 ст. 131 ГПК РФ).

В-третьих, подчинение вопросов возбуждения дела, его движения принципу диспозитивности не ограничивается только деятельностью суда первой инстанции, но и распространяется на стадии пересмотра судебных постановлений в апелляционных, кассационных судах общей юрисдикции (ст.ст. 320, 376, 390.2 ГПК РФ), и, что принципиально важно в историческом экскурсе, в суде надзорной инстанции (ч. 1 ст. 391.11 ГПК РФ).

Субъектами диспозитивности Р.Е. Гукасян считал лиц, обладающих материальным (личным) интересом. Только они, по его мнению, имеют право на распоряжение процессуальными правами (ст. 39 ГПК РФ). Не случайно в ГПК РФ возможность обратиться к примирительным процедурам предусмотрена только для сторон и третьих лиц (ст. 38, 42, 43, гл. 14.1 ГПК РФ).

Р.Е. Гукасян не включал право прокурора, органов государственной власти, общественных организаций влиять на движение гражданского процесса, активность и инициативу суда в содержание принципа диспозитивности (как это делал, например, А.Ф. Клейнман), а рассматривал их как проявление принципа активной помощи в защите прав и интересов [14, с. 323]³.

Данное утверждение Р.Е. Гукасяна о субъектах диспозитивности не однозначно было воспринято в правовой доктрине. Некоторые процессуалисты относят к субъектам диспозитивности в гражданском процессуальном праве всех лиц, участвующих в деле [6, с. 8], а в последнее время и не только их [11].

Принцип активной помощи в защите права, как полагал ученый, дополняет принцип диспозитивности с целью наиболее полного обеспечения защиты интересов граждан и организаций, но не противостоит ему. Поэтому коллизионные вопросы должны решаться в пользу принципа диспозитивности.

³ Активность суда – самостоятельный принцип гражданского процессуального права, выдвинутый В.М. Семеновым.

Принцип диспозитивности - процессуальный принцип, не имеющий своих истоков в диспозитивности гражданского права, о чем утверждают некоторые советские и современные ученые.

Во-первых, помимо гражданско-правовых споров, суды общей юрисдикции рассматривают дела, вытекающие из семейных, трудовых, жилищных и др. отношений. Однако, диспозитивность также продолжает определять процессуальное положение их участников (сторон, третьих лиц, прокурора) и в этих делах также.

Во-вторых, содержание одноимённых принципов различно в гражданском праве и в гражданском процессе. Самостоятельность и отличность процессуального принципа диспозитивности от содержания его одноименного принципа в гражданском праве обусловлена спецификой, которую принцип приобретает под воздействием предмета и метода отрасли гражданского процессуального права, действуя в условиях судебного процесса. Действительно, в силу принципа свободы договора участники гражданских правоотношений могут в договоре оговорить любые его условия, даже не предусмотренные содержанием норм Гражданского Кодекса РФ. В гражданском процессе в силу формализованного его характера свобода распоряжения его участников своими гражданскими процессуальными правами ограничена пределами гражданской процессуальной формы. Это обусловлено действием в гражданском процессе правила «разрешено только то, что предусмотрено законом», в противовес правилу, определяющему распоряжение материальными правами в гражданском праве через призму положения «разрешено все, что не запрещено».

В теории гражданского процессуального права дискуссионным является вопрос относительно содержания принципа диспозитивности, прежде всего, предполагает ли его действие распоряжение только процессуальными правами, либо касается и материальных прав. Р.Е. Гукасян является одним из процессуалистов, который понимал принцип диспозитивности только как возможность распоряжения процессуальными правами [9, с. 67]. Воронов А.Ф. называет эту позицию исключением из правила [7, с. 115], поскольку большинство процессуалистов в это понятие включают распоряжение и материальными правами (М.К. Треушников, А.Ф. Воронов и др.).

Однако, конструирование в ГПК РФ статей, в которых процессуальные права окончательно «расходятся» с материальными, говорит о правильности, выработанной Р.Е. Гукасяном позиции [20]. Например, в отзыве истца искового заявления на стадии возбуждения гражданского дела присутствует отказ истца от дальнейшего производства по делу без отказа от субъективного материального права (п. 6 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ).

Для реформирования современного гражданского судопроизводства значимы представления Р.Е. Гукасяна относительно пределов принципа

диспозитивности, который, по его мнению, «не является самоцелью в процессе [9, с. 77]. Поскольку распоряжение процессуальными правами происходит в условиях гражданского процесса, постольку порядок их совершения обусловлен действием не только принципа диспозитивности, но и других принципов (законности, равноправия сторон, независимости судей и др.). В этой связи пределы действия принципа диспозитивности в гражданском процессе обусловлены положениями Конституции РФ о том, что «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55 ГПК РФ).

Выводы Р.Е. Гукасяна о механизме и пределах действия принципа диспозитивности являются серьезным достижением советской юридической науки. Там, где воля лица перестает быть средством удовлетворения его интереса, где она порочна в силу заблуждения, юридической неосведомленности и других факторов, не дающих лицу возможности защитить свой интерес, он удовлетворяется (а это является целью правового государства – ст. 2 Конституции РФ) за счет процессуальных действий других лиц, участвующих в деле и суда, разрешающих вопросы движения гражданского процесса «помимо» воли материально (лично) заинтересованного лица. Так, принципу диспозитивности соответствует общее правило, по которому суд принимает решение по заявленным истцом требованиям (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ). В то же время суд может выйти за пределы заявленных требований в случаях, предусмотренных федеральным законом (ч. 3 ст. 196 ГПК РФ).

Как говорил Р.Е. Гукасян, суд не может быть связан волей материально (лично) заинтересованного лица в такой степени, чтобы из органа правосудия превратиться в бесправного исполнителя его воли.

В результате почти 30-летнего реформирования законодательства о гражданском судопроизводстве устояли, но все же подверглись корректировке многие принципы гражданского процессуального права (гласности, независимости судей, диспозитивности, состязательности и др.), а некоторые принципы вообще были исключены из числа действующих (объективной истины, непрерывности [2]). Принцип коллегиального рассмотрения гражданских дел модифицировался в принцип единоличного и коллегиального рассмотрения (ст. 7 ГПК РФ). Вместе с исчезновением народных заседателей исчез из ГПК принцип участия народа в отправлении правосудия, несмотря на его закрепление в Конституции РФ (ч. 5 ст. 32).

Принцип активной помощи, на самостоятельности которого настаивал Р.Е. Гукасян, ни поименован в ГПК РФ, ни упоминается он также ни в одном из учебников по гражданскому процессу. Можно лишь сожалеть об утрате

этого принципа, а также самой постановки вопроса в подобном ракурсе взаимодействия общества и государства.

Принцип активной помощи прямо не предусмотрен в ГПК РФ как норма-принцип, вследствие чего его нельзя отнести к принципам ГПП прямого закрепления. Однако, анализ ГПК РФ показывает, что положения данного принципа могут быть абстрагированы из ряда его статей, вследствие чего его можно причислить к принципам ГПП косвенного закрепления.

В частности, в сфере доказывания суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались (ч. 2 ст. 56 ГПК РФ).

Активную роль суд выполняет в гражданском процессе, когда осуществляет проверку распорядительных действий сторон на предмет их соответствия закону и не нарушают ли они права и законные интересы других лиц (ч. 2 ст. 39 ГПК РФ). Федеральным законом от 30 ноября 1995 г. № 189-ФЗ был полностью исключен контроль суда за таким распорядительным действием истца, как отказ от иска, что можно было оценить как расширение диспозитивности. Однако эта новелла была подвергнута справедливой критике, и в ГПК РФ 2002 г. снова предусмотрен контроль суда за отказом от иска.

Согласно действующему правовому регулированию, суд не принимает отказ истца от иска, признание иска ответчиком и не утверждает мировое соглашение сторон, если это противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц, и продолжает рассмотрение дела по существу (ст. 39 ГПК РФ). По результатам обращения сторон спора к примирительным процедурам суд утверждает мировое соглашение (ст. 153.10 ГПК РФ). В случае его противоречия закону или если оно нарушает права и законные интересы других лиц, суд отказывает в утверждении мирового соглашения (ч. 6 ст. 153.10 ГПК РФ).

Активная роль суда в вопросах обеспечения надлежащего состава лиц, участвующих в деле, отвечает требованиям законности и процессуальной экономии и не должна расцениваться как нарушение принципа диспозитивности. [18, 19]. В ГПК РФ надлежит по примеру АПК РФ (ст. 47) и КАС РФ (ст. 43) установить положение, по которому суд, если истец возражает против замены ответчика другим лицом, привлекает надлежащего ответчика в качестве второго ответчика.

Р.Е. Гукасян убедительно доказал, что интерес выступает целью и побудительным мотивом распорядительных действий сторон [9, с. 149]. Сегодня особенно при применении процедуры медиации видно, что примирение – это и есть согласование интересов спорящих сторон. Именно в силу диспозитивного характера примирительных процедур нельзя стороны обязать к ним прибегнуть для урегулирования спора. Это должна

быть их личной инициатива. В то же время суд может и должен обратить внимание спорящих сторон на возможность обращения к примирительным процедурам в гражданском процессе (ст. 2, п. 5 ч. 1 ст. 150, ч. 1 ст. 153.1 ГПК РФ).

В современном гражданском процессе также, как и в советский период, прокурор, органы государственной власти, органы местного самоуправления, оказывают активную помощь гражданам, которые по состоянию здоровья, возрасту, недееспособности и другим уважительным причинам не могут сами обратиться в суд за защитой своих прав (ст.ст. 45, 46 ГПК РФ).

Активность суда и прокурора в современном гражданском процессе не ограничивается активной помощью в защите прав материально (лично) заинтересованных лиц. По мнению Р.Е. Гукасяна, она одинаково проявляется в обеспечении ими прав и охраняемых законом интересов лиц, не принимающих участие в процессе, в защите общественных и государственных интересов [10, с. 216 - 217]. Исходя из данного его рассуждения, видно, что ученый относился к тем некоторым представителям научно-правовой доктрины, которые отождествляли понятия общественного и государственного интереса. Данная позиция основывалась на характерной для советской правовой доктрины идее о том, что государство есть представитель интересов общества. Однако, прав Д.А. Туманов, утверждающий, что о максимальном сближении общественного и государственного интереса можно говорить только применительно к абсолютно демократическому государству и в условиях действительности данные категории могут пересекаться, но никогда не совпадают полностью, поскольку как у государства, так и у общества имеются специфические интересы, характерные только каждому из них [16, с. 475 - 481].

Как справедливо утверждал Р.Е. Гукасян, единственно научно обоснованной и соответствующей характеру материальных прав формой разрешения материально-правовых споров является гражданский процесс [9, с. 80]. По его мнению, цель конкретного процесса заключается в разрешении конкретного гражданско-правового спора и защите субъективных материальных прав или охраняемых законом интересов. Для того чтобы устранить спорность отношений между сторонами, необходимо судебное решение. Кроме того, процесс имеет большое воспитательное значение. Он призван убедить граждан в необходимости определённого поведения, воздействовать на граждан в целях добровольного исполнения ими обязанностей и отказа от необоснованных претензий.

В современный период гражданское судопроизводство – это инструмент, искореняющий «социальные болезни», тем самым приносящий пользу всему обществу. Следовательно, оно «выполняет задачи по обеспечению общественного благосостояния» [12, 171], а также служит общественно полезным целям» [5, с. 120 - 125]. Кроме того, гражданское

судопроизводство должно также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению правонарушений, формированию уважительного отношения к закону и суду, мирному урегулированию споров (ст. 2 ГПК РФ). Исполнение всей суммы этих положений может предложить правосудие. Оно имеет равно высокое значение для обращающегося за защитой гражданина, для общества и для самого государства. В судебном порядке при рассмотрении и разрешении дела могут быть защищены как частные интересы спорящих, так и публичные интересы, а этого эффекта невозможно достичь при частной организации защиты права.

В завершении хочется отметить, что научные размышления Р.Е. Гукасяна о принципах гражданского процессуального права, не теряют своей актуальности в ходе реформирования современного гражданского процесса, могут являться полезным материалом в научных работах его последователей, и развития науки гражданского процессуального права в целом.

Список литературы

1. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 16.04.2022) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/
2. Федеральный закон от 29.07.2017 № 260-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221218/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/#dst100019
3. Отчет № 2 о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» / Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2021 год <http://cdcp.ru/index.php?id=79&item=6120>
4. Постановление ЕСПЧ Бацанина против России 26/05/2009. Номер жалобы: 8927/02. URL: <https://roseurosud.org/r/st-6/st-6a1/postanovlenie-espch-batsanina-protiv-rossii>
5. Богдан В.В., Алымов А.А., Жерелина О.Н. Право общественного интереса как новый подход в вопросе систематизации права // Социально-политические науки. 2018. № 4. С. 120-125.
6. Бояринцев В.Н. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1987. С. 8;
7. Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М.: Статут, 2007. С. 115
8. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов. 1970. С. 16, 25 – 31, 40 – 47, 65 - 77, 95
9. Гукасян Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве. Саратов. 1970. опубл. В кн. Избранные труды по гражданскому процессу М.: Проспект, 2008. С. 67.
10. Гукасян Р.Е. Сочетание личных, групповых и общественных интересов в правовом регулировании//Избранные труды. М., с. 216-217

11. Иванова О. В. Лица, не привлеченные к участию в деле, права которых нарушены решением суда. М., 2010.
12. Коллер Кристиан. Австрийский национальный доклад, включающий дополнительную информацию о Германии // Гражданский процесс в межкультурном диалоге: евразийский контекст: Всемирная конференция Международной ассоциации процессуального права...С. 171.
13. Сапожников С.А. Принцип диспозитивности в гражданском процессе. Автореф.дисс.на соиск.уч.степ.канд.юрид.наук. М.: 2006. С. 18 и др.
14. Семенов В.М. Специфические отраслевые принципы советского гражданского процессуального права // Сборник ученых трудов Свердловского юридического института. Вып. 4. Свердловск, 1964, С. 323.
15. Туманова Л.В. Проблема интереса вчера, сегодня и навсегда // В сборнике: Международная очно-заочная научно-практическая конференция. Тверской государственный университет. 2016. С. 149
16. Туманов Д.А. О роли суда в защите общественных интересов / В сборнике: Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина. Сборник научных статей и тезисов по материалам Международной научно-практической конференции. 2017. С. 475-481.
17. Треушников А.М. Предисловие к книге В.М. Шерстюк Теоретические проблемы развития гражданского процессуального, арбитражного процессуального права и исполнительного производства в Российской Федерации. М.: Городец, 2021. – 400 с. С. 4.
18. Федина А.С. Значение диспозитивности в регулировании процессов осложнения субъектного состава сторон в гражданском процессе России и стран СНГ // Материалы Международной научно-практической конференции «Современное законодательство России и бывших союзных республик СССР / Сборник научных статей / Под ред. Л.В. Тумановой, О.Ю. Ильиной. Тверь: Твер.гос.ун-т, 2006;
19. Федина А.С. Принцип диспозитивности, его значение в регулировании процессов осложнения субъектного состава сторон в гражданском судопроизводстве / Тенденции развития гражданского процессуального права России: Сб.науч.статей. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2008, - 664. С. 395 – 405.
20. Федина А.С. Проблемы реализации принципа диспозитивности в свете научных исследований Рафаэля Егишовича Гукасяна / Судебная защита прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций. Сборник статей Международной научно-практической конференции, посвященной памяти д.ю.н. Р.Е. Гукасяна (г. Москва, 3 октября 2008 г.). М.: Проспект, 2009. С. 72 – 87.

Об авторе:

ФЕДИНА Анжелика Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170021, г. Тверь, ул. 2-ая Грибоедова, д. 22), SPIN-код: 6641-7075, AuthorID: 459882; e-mail: as.fedina@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ LEGALTECH-РЕШЕНИЙ ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

О.И. Юстус

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Аннотация. Статья посвящена вопросам применения LegalTech-решений в целях реализации социальной политики Российской Федерации; автором анализируются конкретные параметры применения LegalTech- и RegTech-решений (как взаимосвязанных для сферы управления цифровых технологий) в процессе осуществления финансовой деятельности; исследуется содержание документов стратегического планирования, определяющих меры цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, а также нормативно-правовых актов, регулирующих указанные процессы; делается вывод о необходимости применения комплексного подхода к формированию правовой базы, регламентирующей особого рода правоотношения, возникающие в процессе взаимодействия норм бюджетного права, информационного права, права социального обеспечения, налогового права и иных отраслей.

Ключевые слова: LegalTech-решения и RegTech-решения; цифровизация социальной сферы; реализация социальных прав и законных интересов граждан; социальное казначейство; проактивное получение государственных и муниципальных услуг.

Социальные права граждан, их обеспечение и надлежащая реализация всегда являлись одной из приоритетных задач развития Российской Федерации как социального государства.

Вместе с тем изменяющийся миропорядок не только актуализирует задачу повышения качества жизни и благополучия российских граждан, но и стимулирует развитие новых инструментов реализации социальных прав.

Одним из таких инструментов является применение цифровых технологий в сфере государственного управления, прямо или косвенно затрагивающих социальные права граждан.

По верному замечанию А. В. Минбалеева, «использование цифровых технологий оказывает влияние на изменение общественных отношений в различных сферах деятельности в информационном обществе, что детерминирует трансформацию сложившихся правовых категорий, институтов и теоретико-методологических основ правового регулирования, которые, в свою очередь, также играют значительную роль в развитии цифровых технологий» [13, с.32]. При этом автор справедливо указывает на приоритетность механизмов правового регулирования отношений в сфере использования цифровых технологий, характерную для Российской Федерации [13, с.34].

Как представляется, особенностью такого правового регулирования является принятие нормативно-правовых актов не только в традиционных формах (например, в форме федеральных законов, закрепляющих права и обязанности субъектов в государственных информационных системах, либо подзаконных актов ведомственного регулирования таких систем), но прежде всего – в качестве документов стратегического планирования.

Согласно ст. 11 Федерального закона от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [3] документы стратегического планирования, разрабатываемые на федеральном уровне⁴ представлены:

1) документами целеполагания (например, послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации);

2) документами целеполагания по отраслевому признаку (например, отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации);

3) документами прогнозирования (например, прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период);

4) документами планирования и программирования (например, государственные программы Российской Федерации).

Одним из важнейших документов стратегического планирования для реализации информационных механизмов в социальной сфере является Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на период 2017 – 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 [5].

Впоследствии были сформулированы основные направления цифровой трансформации социальной сферы и поставлена задача оформления и выплаты всех федеральных пособий, пенсий, других социальных надбавок, услуг в режиме «одного окна» с предоставлением в ближайшей перспективе абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг гражданам России дистанционно и на постоянной основе (в режиме 24/7) [9].

В целях реализации указанных документов стратегического планирования были приняты Концепция перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 11.04.2022 г. № 837-р [8], а также Концепция цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 20.02.2021 г. № 431-р [7].

⁴ Полагаем целесообразным, исходя из тематики исследования, в рамках последнего ограничиться рассмотрением исключительно данного уровня документов стратегического планирования.

Как представляется, данные документы в значительной мере дают представление о проявлении LegalTech-решений⁵ в исследуемой сфере.

В качестве таковых прежде всего хотелось бы отметить:

- создание систем хранения информации, юридически значимой для функционирования социальной сферы;
- очевидное облегчение заинтересованным лицам доступа к информации, имеющей правовое значение;
- упрощение процесса реализации конкретных управленческих решений для конечных пользователей – получателей мер социальной защиты (поддержки), социальных гарантий и выплат, а также социальных услуг.

Неразрывно связанные в области государственного управления социальной сферой с LegalTech-решениями RegTech-решения проявляются в следующих параметрах:

- комплексной автоматизации межведомственного документооборота;
- мониторинге осуществления транзакций с бюджетными средствами, а также мониторинге хода предоставления государственных и муниципальных услуг, позволяющем в режиме реального времени выявлять и устранять нарушения прав и законных интересов заявителей;
- типизации и нормировании административных процедур;
- замене субъективной проверки документов формализованной проверкой правовых статусов заявителя на основе бинарных критериев;
- создании цифровых форм разрешения споров и пр.

Рассмотрим несколько примеров реализации LegalTech-решений в процессе осуществления финансовой деятельности. Полагаем, что данный анализ должно осуществить через призму базовой идеи такой деятельности, а именно – создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и развитие человека [20, с.28].

Так, LegalTech-решения активно внедряются в практику деятельности налоговых органов.

Можно отметить чрезвычайное разнообразие электронных сервисов, наборов открытых данных и государственных реестров, доступных гражданам для использования на портале налог.ру. Среди них 66 электронных сервисов (например, личный кабинет налогоплательщика для физических лиц/ самозанятых/ИП и др.), 86 наборов открытых данных (банк данных федеральной информационной адресной системы, реестр операторов электронного документооборота, налоговые ставки и льготы, адреса и платежные реквизиты инспекций и др.), 12 государственных реестров (ЕГРЮЛ, ЕГРИП, РДЛ, ГИР БО и др.), 5 мобильных приложений

⁵ О понятии LegalTech см.: Рожкова М. А. О правовых аспектах использования технологий LegalTech и LawTech // Хозяйство и право. 2020. № 3 (518). С. 3–6; Троицкий В. А. Инновационные цифровые технологии обучения «Правотех дисциплинам» в высшем юридическом образовании // Научное мнение. 2021. № 7–8. С.67; Обзор рынка RegTech и LegalTech: перспективные технологические направления и тренды развития // URL: <https://innoagency.ru/ru/analytics/> (дата обращения: 30.04.2022) и др.

(«проверка кассового чека», позволяющий получать и хранить кассовые чеки в электронном виде, а также проверить их легальность, добросовестность продавца или сообщить о нарушении; «мой налог», позволяющий обеспечить взаимодействие между самозанятыми и налоговыми органами, а также с клиентами (в форме выдачи чека); «реестр ЗАГС», позволяющее в режиме онлайн осуществлять проверку свидетельства в Едином реестре ЗАГС, а также найти ближайший орган ЗАГС и др.) [17].

Многообразие цифровых услуг, оказываемых налоговыми органами, напрямую отражается на возможности граждан реализовать свои социальные права.

Также следует отметить подготовленный Федеральной налоговой службой Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части введения упрощенной процедуры получения налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц)» [11]. Принятие указанного проекта позволит гражданам в проактивном режиме получать не только имущественные и инвестиционные налоговые вычеты по налогу на доходы физических лиц, но и социальные налоговые вычеты. При этом предполагается ввести унифицированный электронный документ, форма которого будет единой для всех образовательных, медицинских, физкультурно-оздоровительных и прочих субъектов, оказывающих услуги, подпадающие под формат социального вычета по НДФЛ. Примечательно, что названный документ будет направляться указанными организациями и индивидуальными предпринимателями напрямую в налоговые органы, что значительно должно сократить время предоставления социальных налоговых вычетов и упростить для граждан процедуру их получения.

Вместе с тем необходимо констатировать, что упомянутый проект был разработан еще в сентябре 2020 года, анонсирован ФНС России в октябре 2021 года, однако до настоящего времени не внесен в Государственную Думу Российской Федерации для рассмотрения и принятия.

Также обратимся к концепции социального казначейства, при полноценной реализации которой предполагается предоставление мер государственной и муниципальной защиты (поддержки) на основании электронного обращения заявителя либо в проактивном (беззаявительном) порядке в соответствии с информацией, содержащихся в государственных информационных системах.

Так, например, в проактивном режиме в настоящий период на основании данных из единого государственного реестра ЗАГС оформляются сертификаты на материнский капитал (ст. 5 Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [1]), а на основании данных из федерального реестра инвалидов назначается пенсия по

инвалидности (ст. 25.1 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [2]).

По ряду мер социальной поддержки, предполагающих уточнение жизненной ситуации заявителя, часть документов предоставляется заинтересованным лицом, другая часть информации передается из государственных информационных систем в порядке межведомственного взаимодействия [6].

В целях организационно-технического совершенствования системы электронного документооборота Минцифры России анонсировало создание и апробацию в 2022 году единого информационного пространства в рамках новой государственной информационной системы электронного документооборота под наименованием ГосЭДО. Последняя, как заявляется, упростит процесс взаимодействия ведомств, наполнит государственный документооборот дополнительными сервисами, а также повысит скорость и качество оказания государственных и муниципальных услуг. Предполагается, что формируемая система объединит все способы юридически значимого электронного взаимодействия, охватив все стадии создания и функционирования документов вплоть до передачи документов на архивное хранение [14]. Путем создания ГосЭДО также предполагается гарантировать гражданам оперативное получение информации о ходе рассмотрения их обращений посредством портала «Госуслуги».

Существенно, что указанное межведомственное взаимодействие подкрепляется совершенствованием правового регулирования компетенции уполномоченных органов.

Так, Федеральным законом от 01.05.2022 г. № 134-ФЗ [4] на налоговые органы была возложена функция передачи сведений о доходах физических лиц органам, предоставляющим населению меры социальной защиты (поддержки). Указанное достигается следующим образом: при снижении уровня дохода гражданина налоговые органы передают по нему информацию в Единую государственную информационную систему социального обеспечения, в которой информация дополняется сведениями о получаемых пособиях и пенсиях, рассчитывается среднедушевой доход и определяется степень нуждаемости для принятия решения об оказании дальнейшей поддержки гражданина [10].

В этой связи также хотелось бы отметить формирование окончательного варианта текста Проекта федерального закона «О государственном внебюджетном фонде «Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации». Целями функционального изменения, помимо прочих, заявляются такие, как повышение доступности социальных услуг при одновременном снижении бюджетных расходов на управление социальной сферой за счет увеличения прозрачности управления и оптимизации ИТ-инфраструктуры [18].

Таким образом, при все значимости надлежащего функционирования и взаимодействия государственных информационных систем для реализации социальных прав граждан фундаментальной основой последних, безусловно, является отвечающая потребностям цифрового государства правовая база.

При этом необходимо отметить на важность комплексного подхода к ее формированию. Последнее, как представляется, вызвано появлением особого рода правоотношений, носящих сложный, комплексный характер [21, с. 139–144] и возникающих путем взаимодействия норм бюджетного права, информационного права, права социального обеспечения, налогового права и иных отраслей.

Указанная тенденция к «переплетению» правовых норм, во многом обусловленному, как представляется, их трансформацией под воздействием цифровизации, влечет «разрастание» массива нормативно-правовых актов, сопровождаемое усложнением юридической техники их изложения.

В этой связи чрезвычайно важным видится научное осмысление модифицированных финансовых правоотношений и нового категориального аппарата, что, как представляется, позволит обеспечить сбалансированный подход учета публичных и частных интересов в новых развивающихся под влиянием цифровизации общественных отношениях [22, с. 402].

Список литературы

1. Федеральный закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей" (посл. ред.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2022).
2. Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (посл. ред.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2022).
3. Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2022).
4. [Федеральный закон от 01.05.2022 г. № 134-ФЗ «О внесении изменения в статью 7.2 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации»](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205010018) // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205010018> (дата обращения: 09.05.2022).
5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на период 2017 – 2030 г., утвержденная // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2022).
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.06.2021 г. № 1037 «Об утверждении Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия женщине, вставшей на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности, и ежемесячного пособия на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет в части, не определенной Федеральным законом "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей", а также перечня документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения указанных пособий, и форм заявлений об их назначении» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107010004?index=3&rangeSize=1> (дата обращения: 09.05.2022).

7. Распоряжение Правительства РФ от 20.02.2021 г. № 431-р (ред. от 07.06.2021 г.) «Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2022).

8. Распоряжение Правительства РФ от 11.04.2022 г. № 837-р «Об утверждении Концепции перехода к предоставлению 24 часа в сутки 7 дней в неделю абсолютного большинства государственных и муниципальных услуг без необходимости личного присутствия граждан» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.05.2022).

9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 21.04.2021 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2022).

10. Пояснительная записка к Проект федерального закона «О внесении изменения в статью 102 части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#search=статья%20102%20НК%20РФ%20&npa=116930> (дата обращения 09.05.2022).

11. Проект Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части введения упрощенной процедуры получения налоговых вычетов по налогу на доходы физических лиц)» // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=107814> (дата обращения: 09.05.2022).

12. Проект Федерального закона «О государственном внебюджетном фонде «Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации» // URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=124505> (дата обращения 09.05.2022).

13. Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 12 (64).- С. 31–36.

14. Минцифры создаст новую систему электронного документооборота ГосЭДО // URL: <https://digital.gov.ru/ru/events/41471> (дата обращения: 09.05.2022).

15. Обзор рынка RegTech и LegalTech: перспективные технологические направления и тренды развития // URL: <https://innoagency.ru/ru/analytics/> (дата обращения: 30.04.2022)

16. Рожкова М. А. О правовых аспектах использования технологий LegalTech и LawTech // Хозяйство и право. 2020. № 3 (518).- С. 3–11.

17. Сборник электронных сервисов, наборов открытых данных и государственных реестров ФНС России // URL: [http://invest.admsurgut.ru/public/uploads/\(2021_01_29\)_Elektronnyie_servisyi_FNS_Rossii.pdf](http://invest.admsurgut.ru/public/uploads/(2021_01_29)_Elektronnyie_servisyi_FNS_Rossii.pdf) (дата обращения: 07.05.2022).

18. Систему обязательного страхования могут реформировать // <https://www.garant.ru/news/1525340> (дата обращения: 09.05.2022).

19. Троицкий В. А. Инновационные цифровые технологии обучения «Правотех дисциплинам» в высшем юридическом образовании // Научное мнение. 2021. № 7–8.- С.66–78.

20. Финансовое право: учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. М.: Юрист, 1999.- 600 с.

21. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России. В 12 т. Т. IV. Финансовое право России: монография / под ред. Р. Л. Хачатурова, Х. В. Пешковой. М.: Юрлитинформ, 2021.- 584 с.

22. Цинделиани И. А. Правовые формы организации публичных финансов в условиях развития цифровой экономики // Финансовое право в цифровую эпоху: Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 27 ноября 2020 г. М.: РГУП, 2021.- 640 с.

Об авторе:

ЮСТУС Ольга Ивановна - кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного, административного и таможенного права ТвГУ (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).

Научное издание

**ЗАЩИТА ПРАВ
И ОХРАНЯЕМЫХ ЗАКОНОМ
ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН**

Факультетские научные чтения

им. профессора Р.Е. Гукасяна

Выпуск 3

Подписано к использованию: 02.08.2022. Заказ № 163.
Электронный образовательный ресурс.
Издательство Тверского государственного университета.
Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.
Тел. (4822) 35-60-63.